

НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ ПРОСВЕЩЕНИЯ АБХАЗИИ
ТРУДЫ АКАДЕМИИ АБХАЗСКОГО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

Константин КОВАЧ

ПЕСНИ КОДОРСКИХ АБХАЗЦЕВ

СБОРНИК ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ С НОТНЫМИ ЗАПИСЯМИ

ИЗДАНИЕ НАРКОМПРОСА АБХАЗИИ
И АКАДЕМИИ АБХАЗСКОГО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

1930

U. B. ...

НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ ПРОСВЕЩЕНИЯ АБХАЗИИ

ТРУДЫ АКАДЕМИИ АБХАЗСКОГО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

Константин Владимирович

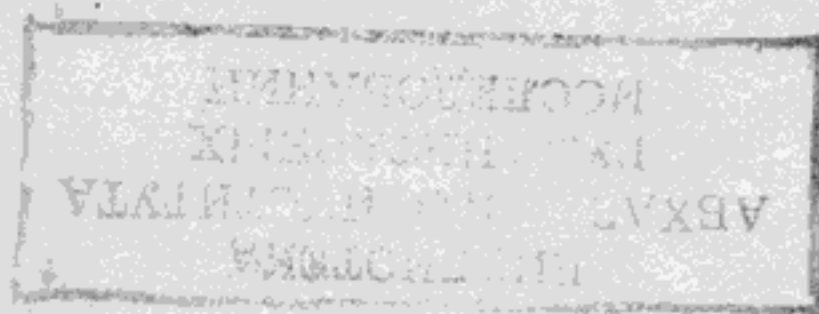
КОВАЧ

ПЕСНИ КОДОРСКИХ АБХАЗЦЕВ

СБОРНИК ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ
С НОТНЫМИ ЗАПИСЯМИ

1. Песни исторические. (Брѣба за независимость Кавказа, Русско-турецкая война (1877—78 г.г.), феодализм, революционные события).
2. Песни бытовые (труд, героизм и абректство, абхазцы в горах, одна песня отвлеченного значения, абхазские пляски, общинные песни).
3. Песни, связанные с обычаями и обрядами (кровная месть, свадьба, поминки, болезни и ранения).
4. Песни бзыбских абхазцев.
5. Песни батумских абхазцев (махаджиров).

ИЗДАНИЕ НАРКОМПРОСА АБХАЗИИ
И АКАДЕМИИ АБХАЗСКОГО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

Сухум — 1930

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Маленькая страна, населенная свободолюбивым народом — абхазцами, на протяжении трех с половиной тысяч лет была предметом вождения всяких „покорителей“, „завоевателей“ и „приобщителей“, начиная от известного Язона, приплывшего сюда на своем „знаменитом“ судне „Арго“, ограбившего Абхазию и „благополучно“ затем удравшего, и кончая генералами царской России, пришедшими в Абхазию с казацкой плетью в руках, с пресловутой политикой „приобщения к русской гражданственности“, с виселицей и... насильственным крещением.

Около ста двадцати лет абхазцы неустанно боролись с русским царизмом, с его ставленниками. Они восставали, но их изгоняли в Турцию, превращая в пепел их жилища; остававшиеся на родине абхазцы снова восставали, но сакли их снова сжигали, а самих абхазцев снова выселяли под видом „добровольных эмиграций“.

И только Октябрьская революция 1917 года и окончательное затем изгнание меньшевистских „благодетелей“ в 1921 году принесли, наконец, абхазцам то, чего они так героически, давно уже добивались — полную национальную независимость, право на культурное возрождение, право не быть теми „дикарями“, которых так настойчиво хотели, путем насилия, „приобщить к культуре“ авантюристы всех наций.

Полноценное приобщение к развитию национальной культуры всех народов, населяющих Советский Союз, требует максимальной затраты трудов. Абхазцы хорошо это знают и старательно изучают прошлое и настоящее положение своей республики.

Этот маленький сборник народных песен кодорских абхазцев является только лишь небольшим вкладом в ту огромную творческую, созидательную работу, которую выполняет сейчас вся Абхазия в целом, упорно, не сбиваясь с дороги, шагающая к своему социалистическому будущему.

Этому сборнику этнографических материалов я дал название „Песни кодорских абхазцев“ исходя из следующих причин:

1) Одни и те же абхазские песни исполняются бзыбскими и кодорскими абхазцами в совершенно разных вариантах; есть также песни или чисто кодорского, или чисто бзыбского происхождения. Объясняется это вот чем: абхазцы, как таковые, делятся на две части — бзыбских и кодорских. Географически это получается так: бзыбские абхазцы занимают территорию от Сухума к западу (часть Сухумского, Гудаутский и Гагринский уезды), кодорские — от Сухума к востоку (Кодорский и Гальский уезды); бзыбцы носят такое название по реке Бзыби, кодорцы — по реке Кодору. Между ними существует разница в типе, в наречии, в устройстве жилищ, в некоторых моментах быта, в культурных влияниях на них, с одной стороны (бзыбской) — Северного Кавказа (с севера) и русского населения (с запада); с другой стороны (кодорской) — мингрельского населения (с востока).

2) В январе 1929 года Наркомпросом Абхазии и Академией абхазского языка и литературы издан мой сборник „101 абхазская народная песня“. Собирая материалы для этого сборника, я, по целому ряду объективных причин, не успел тогда же обслужить и всю кодорскую часть, почему в сборник и вошли в подавляющем большинстве (88 на 13) песни бзыбских абхазцев. В этом году мне удалось уже более тщательно исследовать народное творчество кодорцев, и в настоящем сборнике я даю в большинстве их песни: 34 кодорских на 11 бзыбских и батумских. (О последних подробно скажу ниже).

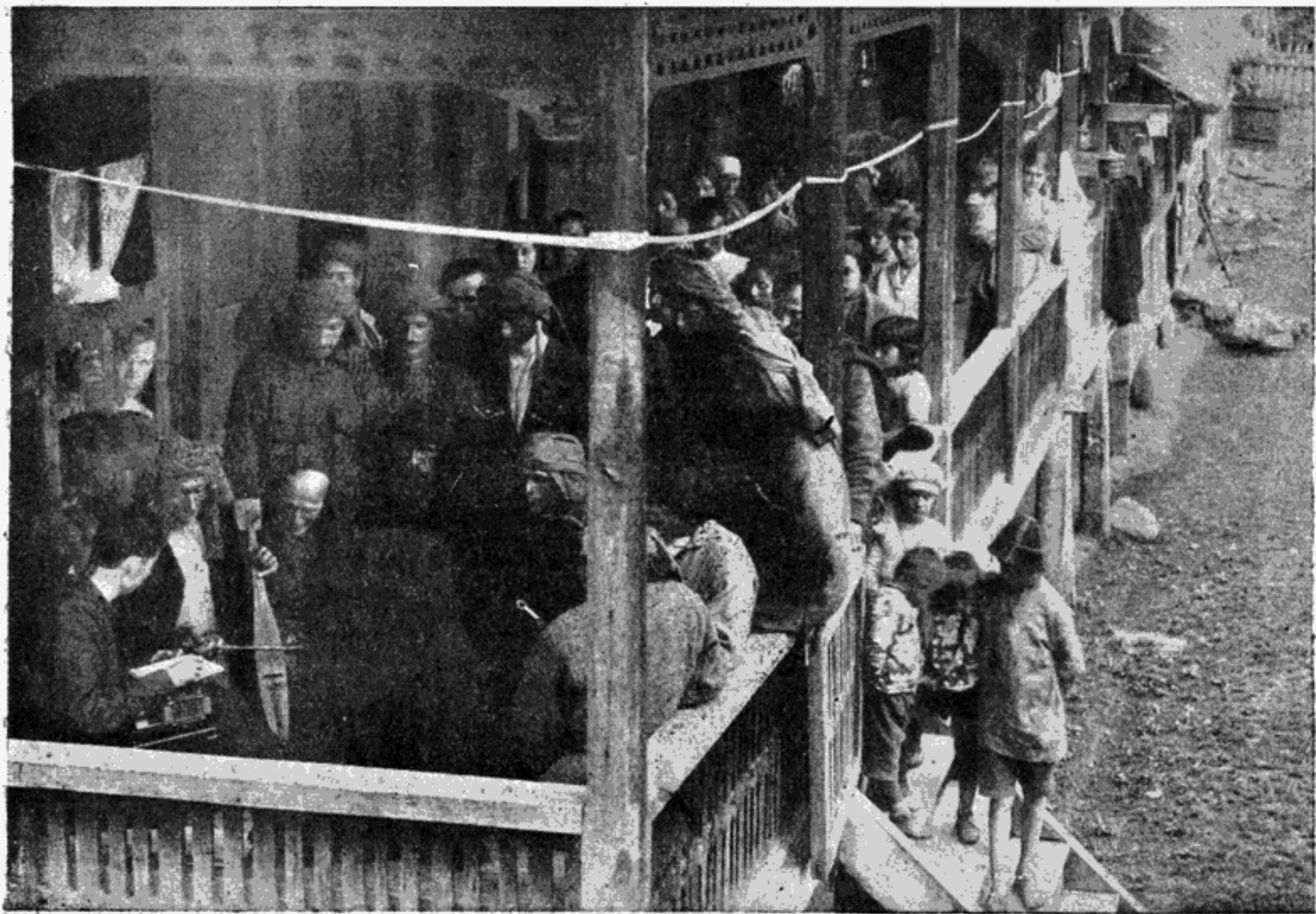
3) Я мог бы назвать материалы этого сборника просто „абхазскими народными песнями“, но не сделал этого умышленно. Дело в том, что некоторые песни, входящие в настоящее собрание, вызывают сомнение в чистоте их абхазского происхождения и до некоторой степени напоминают своим гармоническим сочетанием и витиеватостью мелодий песни мингрельцев.

Не привести же все эти песни во втором сборнике я считал невозможным по той простой причине, что считаю себя не в праве не отразить полностью все элементы народного творчества, элементы, составляющие культуру кодорских абхазцев.

Четвертый раздел настоящего сборника я посвящаю песням бзыбских абхазцев. Эти девять песен являются дополнением к изданному уже сборнику, и о них, кроме того, что я скажу, когда буду давать этнографические справки, сказать, пожалуй, больше нечего.

В пятом разделе я помещаю две песни батумских абхазцев, случайно найденные мною в абхазских селениях, окружающих Батум, где я был по делам, никак не относящимся к собиранию песен.

Батумские абхазцы—это никто иные, как те же абхазцы, что находятся и в самой Абхазии. „Батумскими“ они были названы совсем недавно и просто случайно. Правильно эти абхазцы называются „махаджири“, что

Запись песен в сел. Ткварчелы.

в переводе на русский язык означает изгнанники¹⁾. Изгнали же их из родной Абхазии в 1877 году жесточайшими репрессиями со стороны царского правительства, вызванными крупнейшим восстанием абхазцев в 1866 году в селении Лыхны (тогдашней столице Абхазии) и непрерывно продолжавшимися в течение 11 лет.

Абхазцы, находящиеся сейчас в Батуме, это те абхазские бедняки, которые материально не осилили переезда вместе с другими абхазцами в Турцию и остановились у батумских берегов, где постепенно обосновались на жительство.

Песни же, унесенные ими из Абхазии, я считаю чистейшими абхазскими песнями, судя и по их строению, и по их этнографическому значению, и потому еще, что, кроме исключительно старинных, никаких других абхазских песен батумские абхазцы унести с собой не могли.

Множество всяких причин не позволило мне в предыдущем сборнике подробно изложить этнографические данные о песнях, остановиться на объяснениях тех или других бытовых явлений, выявить сущность обычаев, обрядов и т. д. По возможности я стараюсь исправить этот пробел в настоящем сборнике, который, собственно, и является как бы продолжением предыдущего.

Приводимые здесь образцы песенного и музыкального творчества абхазцев являются точной записью напевов и инструментального исполнения песен трудовыми крестьянами, ни в коей мере не прикрашенные какими бы то ни было гармоническими придатками. Что взял я у певших и игравших мне крестьян, то в точности передаю читателю.

Говоря об обычаях и обрядах абхазцев, об их быте, я разделяю нацию на князей, дворян и крестьян, при чем в отношении последних (крестьян) я говорю исключительно о том трудовом большинстве, которое под знойным солнцем добывает себе кусок мамалыги лишь собственными руками.

Сухум, 1929 г.

К. К о в а ч.

¹⁾ Три „песни изгнанников“ см. в сборнике „101 абх. народн. песня“.

THE FIRST PART OF THE BOOK IS A HISTORY OF THE
CITY OF NEW YORK FROM THE FIRST SETTLEMENT
IN 1624 TO THE PRESENT TIME.

THE SECOND PART IS A HISTORY OF THE
CITY OF NEW YORK FROM THE FIRST SETTLEMENT
IN 1624 TO THE PRESENT TIME.

THE THIRD PART IS A HISTORY OF THE
CITY OF NEW YORK FROM THE FIRST SETTLEMENT
IN 1624 TO THE PRESENT TIME.

THE FOURTH PART IS A HISTORY OF THE
CITY OF NEW YORK FROM THE FIRST SETTLEMENT
IN 1624 TO THE PRESENT TIME.

THE FIFTH PART IS A HISTORY OF THE
CITY OF NEW YORK FROM THE FIRST SETTLEMENT
IN 1624 TO THE PRESENT TIME.

THE SIXTH PART IS A HISTORY OF THE
CITY OF NEW YORK FROM THE FIRST SETTLEMENT
IN 1624 TO THE PRESENT TIME.

THE SEVENTH PART IS A HISTORY OF THE
CITY OF NEW YORK FROM THE FIRST SETTLEMENT
IN 1624 TO THE PRESENT TIME.

THE EIGHTH PART IS A HISTORY OF THE
CITY OF NEW YORK FROM THE FIRST SETTLEMENT
IN 1624 TO THE PRESENT TIME.

THE NINTH PART IS A HISTORY OF THE
CITY OF NEW YORK FROM THE FIRST SETTLEMENT
IN 1624 TO THE PRESENT TIME.

THE TENTH PART IS A HISTORY OF THE
CITY OF NEW YORK FROM THE FIRST SETTLEMENT
IN 1624 TO THE PRESENT TIME.

THE ELEVENTH PART IS A HISTORY OF THE
CITY OF NEW YORK FROM THE FIRST SETTLEMENT
IN 1624 TO THE PRESENT TIME.

THE TWELFTH PART IS A HISTORY OF THE
CITY OF NEW YORK FROM THE FIRST SETTLEMENT
IN 1624 TO THE PRESENT TIME.

I. ПЕСНИ ИСТОРИЧЕСКИЕ.

Борьба за независимость Кавказа.

В Кодорском уезде Абхазии еще вспоминают (правда, только в песнях) о тяжелых для горцев временах покорения Кавказа „огнем и мечом“. Может быть, теперь и не нашлось бы абхазца или вообще горца, вспоминающего тяжелую борьбу за национальную независимость, если бы последствия этой борьбы не выразились бы в суровой политике царского правительства в отношении покоренных народов. И надо полагать, что именно это обстоятельство заставляло абхазцев всегда с гордостью и с сожалением вспоминать героев прошедшей борьбы.

Когда же я просил стариков вспомнить эти песни, они с удивлением смотрели на меня и ясно давали понять, что вспоминать времена порабощения теперь, в эпоху полного освобождения национальностей, как бы вовсе некстати и не ко времени. Но я оправдывал свою настойчивость научными надобностями, и старики соглашались петь, причем кое-что и рассказывали.

1. Песня о Шамиле.

Эта песня ничего общего не имеет с современным „танцем Шамиля“. Мелодия этой песни, безусловно, принадлежит абхазскому народному творчеству, но слова, очевидно, позаимствованы у других горских народов, при чем в абхазском народном стихосложении, естественно, получили, так сказать, свою окраску.

Кто из солдатских черепов сделал крепость ¹⁾,
Накрыв ее крышей из офицерских ребер ²⁾;
Не позволявший птичке садиться на ветку,
А сыновьям—воспитываться у матери;
Кто царскому войску не давал отдохнуть,—
Тот сам оказался выгнанным как эпидемия ³⁾.

Далее речь идет уже о другом герое, очевидно, также участнике в борьбе за независимость Кавказа, так как слова о нем поются в песне сейчас же после слов о Шамиле.

¹⁾ В дословном переводе с абхазского языка это будет означать: каменная стена.

²⁾ Речь идет о русских командирах.

³⁾ Абхазцам известно было, что всякая эпидемия изгоняется упорной и продолжительной борьбой. Сравнивая изгнание Шамиля с изгнанием эпидемии, они вероятно и имели в виду продолжительность и упорство борьбы Шамиля.

Пятачковый молодой эфенди Махамед ¹⁾
 Героем был сам.
 Но лучшей шашкой ²⁾ ему отсекли голову,
 А кровь его черпали серебряным ковшем.
 Голову отсеченную он держал под левой рукой,
 А правой рукой до конца рубил.

Песня эта записана в селении Беслахуба, Кодорского уезда.

2. Песня о молодом черкесе Махмеде.

Здесь должно бы казаться неожиданным, почему бы это вдруг абхазцам петь о черкесе Махмеде. Но объясняется это весьма просто. Особенно острых национальных трений между абхазцами и другими горскими племенами не существовало до окончательного покорения Кавказа. Создавались же национальные осложнения, национальный антагонизм искусственно уже впоследствии политикой царского правительства, требовавшей ослабления мощи каждого горского племени в отдельности. А до этого имевшие все же место национальные неурядицы не достигали особенно крупных размеров даже и тогда, когда абхазцы устраивали набеги на убыхов и черкесов, а последние—на абхазцев ³⁾, ибо набеги эти как с той, так и с другой стороны составляли основное ремесло привилегированной части племени. Материальная выгода этого ремесла состояла в том, что совершивший набег брал пленных, угонял скот и как за тех, так и за других получал выкуп. Если же выкуп не вносился, пленные люди продавались в рабство в Турцию и Египет, а скот становился собственностью победителя.

Эти набеги обоюдно рассматривались так: сегодня черкесы взяли у нас, завтра—мы возьмем у них. И никто на это особенно не обижался.

Моральная сторона этого занятия маскировалась распространением „славы“ о бесстрашии и „героизме“ лиц, совершавших набег. Конечно, больше всего страдавшему от этих набегов трудовому крестьянству не становилось легче от этого, и я останавлиюсь на данном моменте более подробно в следующем разделе.

Черкес Махмед был героем, и этого было вполне достаточно для того, чтобы абхазская народная мудрость сложила о нем песню, ибо абхазцы высоко чтят героев, к какой бы национальности они не принадлежали.

В этой песне простым изложением, или вернее „своими словами“, рассказывается о том, что случилось с Махмедом, и что пела потом его жена.

Не только в своем ауле, но и далеко за аулом Махмед считался хорошим героем и джигитом. Героизм его не поколебался даже и тогда, когда на другое утро после женитьбы к нему приехали товарищи и сказали, что дела Шамиля плохи, что надо ехать ему помогать. Ни слова не сказав, Махмед поехал с ними. В первых же боях Махмед был убит и труп его,

¹⁾ „Пятачковый“—надо понимать: чрезмерно молодой юноша, о котором существовало мнение, оценивающее его пятакком.

²⁾ Такая шашка называется у абхазцев „афранг“. Это не просто шашка и, когда говорят „афранг“—надо понимать, что речь идет о шашке, всем известной высоким качеством какой-то особенной стали. (По всей вероятности, это—дамасский клинок).

³⁾ Несмотря на эти набеги, многие абхазцы и черкесы ходили друг к другу в гости через перевал, а во время покорения Абхазии черкесы активно помогали абхазцам бороться с царскими генералами.

вопреки обычаю¹⁾, не был доставлен домой. Когда молодая жена узнала о смерти мужа, не дождавшись его труп, она пела:

Нежели целая сотня, которая с тобой была,
Лучше, если бы был с тобой один—сын Беслана Хаджи-Келамат.
Если бы он не привел тебя живым,
Он труп твой принес бы непременно.
Черкеску красную, которую надела
На тебя, когда ты уходил—не вижу...
Плакать—людей стыжусь,
Не плакать—сердце разрывается²⁾.

Записана песня в сел. Беслахуба, Кодорского уезда.

Вот все то, что мне удалось разыскать из материалов о тех моментах эпохи покорения Кавказа, которые отражены в народном творчестве абхазцев.

Русско-турецкая война (1877—78 гг.).

С первых же дней этой войны на берега Абхазии высадились с турецких военных кораблей абхазские махаджири, т. е. абхазцы, раньше ушедшие из Абхазии под давлением русского царизма. Махаджири эти явились звеном, связующим абхазское население с турецким десантом и вдохновителями к вооруженному восстанию.

Стонавшие под пятой русских поработителей абхазцы поголовно восстали и, не поняв предательской политики турецких пашей, помогали турецким войскам в их борьбе на территории Абхазии.

На ряду с организованными восстаниями были случаи, когда отдельные лица по собственному почину подбирали себе достойных товарищей и совершали набеги на русские части.

3. Песня о Мыстафе Чолокуа.

Одним из таких лиц в кодорской части Абхазии был Мыстаф Чолокуа. В своей общине он завербовал пятнадцать смельчаков и ушел с ними в бой. Однажды группа Мыстафа в течение пяти суток сражалась против сильного отряда противника. Видя, что ему не победить, Мыстаф пустился на хитрость, об'явив о временном перемирии. Части русских были утомлены и думая, что имеют дело с крупной боевой единицей, на перемирие согласились. Но когда русский отряд устроился на обед, Мыстаф налетел на них и создал панику, во время которой несколько русских солдат были убиты, а остальные разбежались. Один из них успел скрыться в ближайших скалах, и, когда абхазцы двинулись обратно, он выстрелом тяжело ранил Мыстафа в живот.

Бодрясь, Мыстаф направился пешком домой, но пройдя верст пять сильно ослабел, и остальной путь к дому товарищи несли его на бурке. Мать встретила раненого Мыстафа причитаниями, в которых пела³⁾:

Сын, сын. Я тебе говорила,
Что слово „молодец“ губит человека,
А совесть—укорачивает черкеску...

¹⁾ У горских племен принято труп убитого обязательно доставлять домой. Делают это товарищи убитого. Те же, которые не сумели принести труп товарища, считаются плохими друзьями, плохими соратниками.

²⁾ У черкесов, так же как и у абхазцев, жена (как и муж) покойного не должна оплакивать его в присутствии людей и даже родственников.

³⁾ Абхазские женщины, причитая над ранеными или покойниками, всегда поют...

Все это излагают теперь старики в своей песне. Записана она в сел. Поквеша, Кодорского уезда.

Примечание: Под словом „совесть“ в причитаниях матери надо понимать—совестливость. Дело в том, что ради этой совестливости абхазцы принимают, поят и кормят всех, кто бы к ним ни пришел, и это, естественно, разоряет крестьян. Поэтому двусмысленно говорится, что у того, кто всех принимает, черкеска становится для него самого короткой. В данном же случае надо понимать, что мать считала участие Мыстафа в бойне делом необязательным (с ее точки зрения), а только лишь делом совести свободного горца.

ФЕОДАЛИЗМ.

4. Усыпальная песня.

Далее я привожу „усыпальную“ песню в качестве исторического документа, руководствуясь лишь следующими соображениями:

Эта песня имела „особое“ назначение. Абхазские князья, окончательно распоясавшись в использовании своего привилегированного положения, довели в свое время трудовое крестьянство буквально до рабского состояния. Они использовали своих крепостных крестьян и их труд не только на своих полях, в своих виноградниках, при своих табунах,—они эксплуатировали крестьян даже и тогда, если им просто не спалось. В такие моменты князья созывали крепостных, сажали их в соседней с опочивальней комнате и заставляли играть на апхерца¹⁾ и петь вот эту „усыпальную“ песню. Под действительно баюкающую мелодию этой песни князь „блаженно“ засыпал.

Старики называют эту песню „княжеской“. Записана она в сел. Поквеша, Кодорского уезда.

РЕВОЛЮЦИОННЫЕ СОБЫТИЯ.

5. Походная песня.

С незапамятных времен эта песня считается у абхазцев „походной песней“ или „песней войска“. (Она называется по-абхазски „Ар-рашя“). И раньше, и сейчас, куда бы абхазцы не шли или не ехали бы группами, они обязательно поют эту песню.

Я отношу эту песню к разделу исторических потому, что на сегодня она является уже именно исторической песней, к тому же связанной с революционными событиями в Абхазии.

Дело в том, что в 1905 году эту песню пели восставшие против царского режима абхазцы во время схваток с полицией и стражниками; в 1914 году ее пели абхазцы, отправлявшиеся, будучи спровоцированными, добровольно на фронт. А в 1918—21 гг. эту песню пел вооруженный „Кераз“. О последнем считаю нужным дать краткую историческую справку.

В отдаленные времена „керазом“ назывались группы вооруженных людей, посылавшиеся владетельными князьями Абхазии к крестьянам для выполнения экзекуций за провинности—неплатеж податей и т. п.

¹⁾ „Апхерца“—двухструнный смычковый абхазский инструмент. (Подробное описание см. в сборнике К. Ковач „101 абх. народн. песня“).

Затем „керазом“ (или „уаахура“) был назван старинный абхазский обычай общинной трудовой взаимопомощи, когда все ближайшие поселковые соседи группами безвозмездно обрабатывают друг у друга кукурузные поля, когда эти поля также безвозмездно обрабатываются для вдов, сирот, больных и т. п.; когда дом того или другого абхазца строится при дружной рабочей помощи всех соседей.

А так как в принципе слово „кераз“ означает—объединение, то им, в дни борьбы против меньшевистского владычества в Абхазии (1918—21 гг.), была названа боевая дружина гудаутских большевиков, бесстрашно бившихся под руководством т. Н. Лакоба за установление советской власти против целых полчищ меньшевистско-генеральских войск.

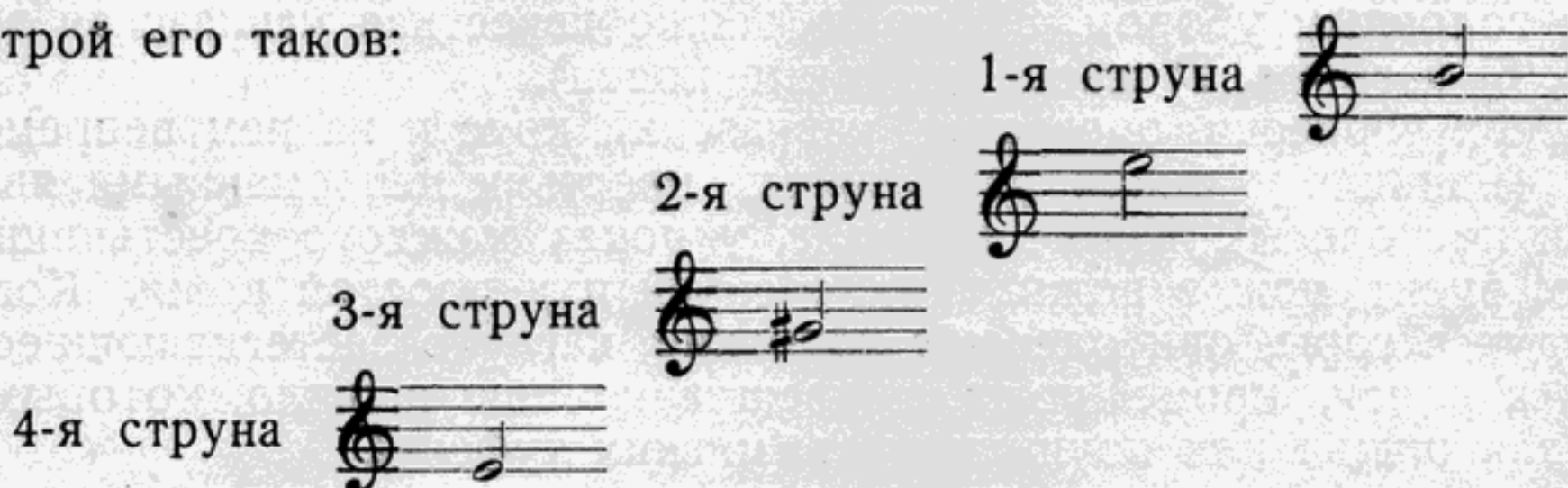
В настоящее же время в некоторых абхазских селениях колхозы называют „Ачаг-Кераз“.

Записана песня в сел. Ткварчелы (по-абхазски—Ткуарчал), Кодорского уезда.

6. Походная песня.

Это, собственно, та же песня, что и предыдущая, только несколько в другом варианте, при чем поется она под аккомпанимент аченгура. Последний представляет собой четырехструнный инструмент (изображен на обложке) на подобие гитары. Играют на нем в большинстве женщины и девушки. Аченгур так и считается у абхазцев женским инструментом. Струны его делаются из шелковых ниток, причем это также считается женским занятием. Играть на нем принято с пристукиванием одним пальцем в такт песне по верхней деке.

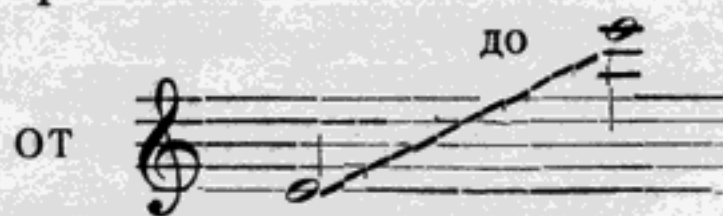
Строй его таков:

но в большинстве случаев вторая струна строится так:

Полный об'ем его простирается

Но всей полнотой об'ема аченгура абхазцы никогда не пользуются.

Аченгур нельзя считать абхазским национальным инструментом, так как он является лишь привившимся у абхазцев инструментом, позаимствованным из Мингрелии.

Записана эта песня в сел. Мокви, Кодорского уезда.

II. ПЕСНИ БЫТОВЫЕ.

Прежде чем перечислять здесь бытовые моменты, отраженные в народной песне, считаю нужным кратко дать сначала некоторые предпосылки, характеризующие условия жизни абхазцев, внутренний уклад их, а также и некоторые национальные особенности.

Много лет тому назад абхазцы жили исключительно в круглых, сплетенных из прутьев рододендрона, хижинах без потолка и с земляным полом. Крыша такой хижины имеет коническую форму и делается из папортника. В дверях и стенах хижины всегда бывают щели; окон нет. По середине хижины находится так называемый ахуштаара или просто костер, над которым висит на цепи котел для варки мамалыги¹⁾. Жилище это теперь называется „амацурта“, а иногда мингрельским словом „пацха“; раньше такое жилище называлось „Акуај“.

Очень немногие, наиболее зажиточные крестьяне, а главным образом князья и дворяне, имели во дворе „авюнду“, т. е. плетеный дом для гостей²⁾. Когда же в абхазской семье женили сына, во дворе строили маленькую „амхара“, т. е. жилище исключительно для новобрачных. („Амхара“ означает по-абхазски—неслышание, вернее—место, где скрываются новобрачные от посторонних ушей).

В настоящее время „амацурта“ („пацха“) является кухней, где так же как и раньше продолжают готовить пищу на костре. Собственным, имеющимся уже у каждого абхазца жилищем является теперь „акуаскя“³⁾.

Национальная одежда абхазцев состоит из следующего: 1) акаба (бешмет), 2) шаровар нормальной кавказской формы (внизу—узкие, сверху—широкие), 3) черкески (известная кавказская одежда), 4) башлыка—всегда большого, обшитого позументами или шелковым шнурком и служащего главным головным убором, 5) бурки (также известная кавказская верхняя одежда), 6) наговиц, 7) амест (кожаные носки).

Поверх черкески одевается кавказский пояс и на нем непременно—кинжал. (Раньше у более зажиточных крестьян непременными являлись шашки и пистолеты). Кроме кинжала, у пояса каждого крестьянина обязательно висит нож в ножнах из оленьей или простой кожи. Когда абхазцы идут в горы, они одевают короткие, наглухо застегивающиеся черкески, а к поясу, кроме ножа, привешивают еще и шило, которым пользуются для шитья или починки чуст (мягких туфель).

Теперь этот вид одежды становится уже уходящим, заменяемым обыкновенной европейской одеждой.

Питание абхазцев состоит из следующих предметов: мамалыга, сыр, кислое молоко, фасоль, курица (ее жарят над костром и едят с кислоторькой жидкостью, называемой „асадзбал“), „аджика“ (ее готовят из красного перца, растертого с крупной солью и чесноком; без „аджики“ абхазец ничего не кушает), огородные овощи. Рыбу и мясо абхазцы едят не так часто. Вино является непременным для каждого стола.

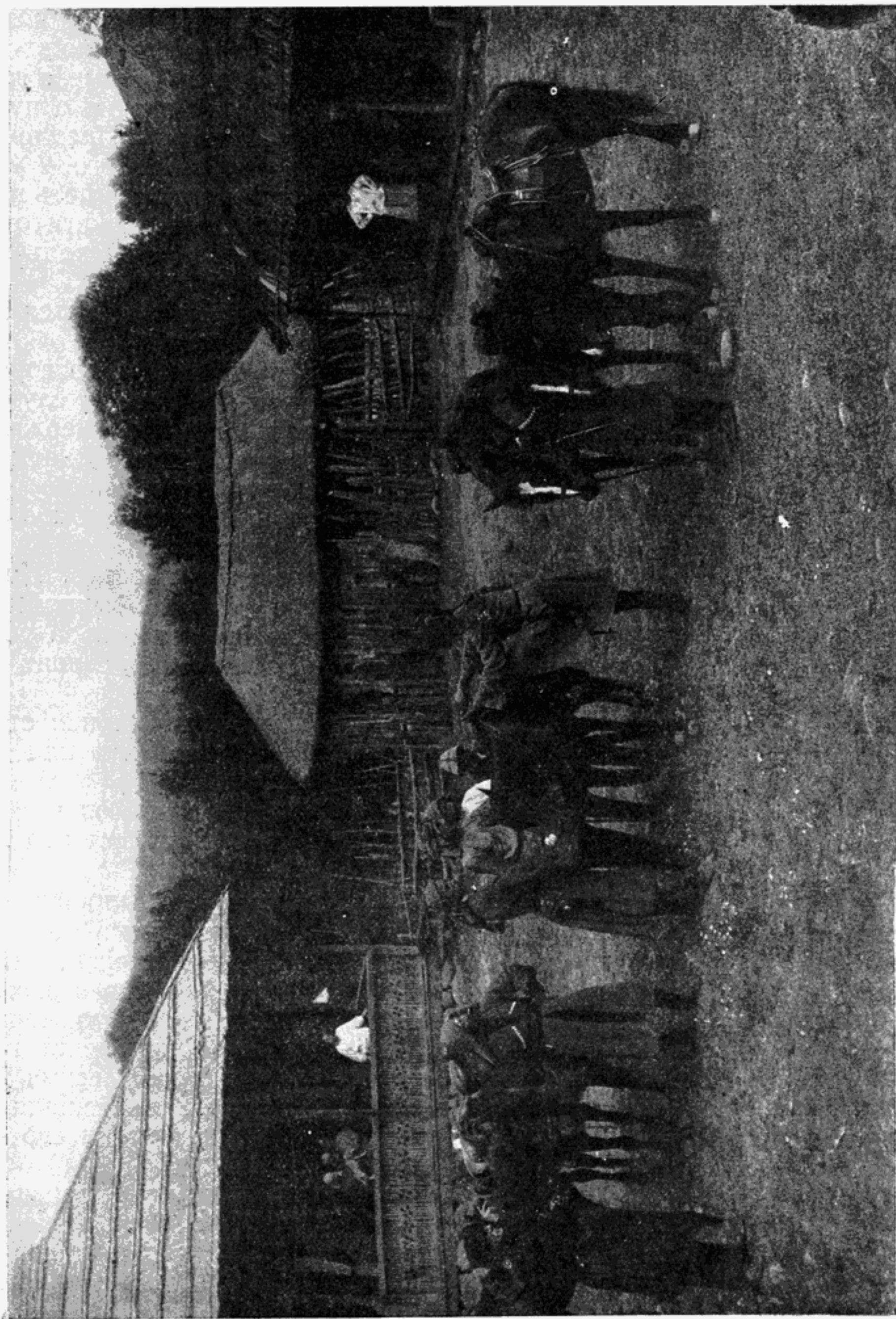
Вообще же абхазец в еде весьма сдержан. В горах, где приходится ходить долгое время без пищи и без воды, от абхазца никогда не услышишь жалобу на голод или жажду.

Сельским хозяйством и примитивным виноделием абхазцы занимались исключительно для собственных нужд, но отнюдь не для продажи продукции. А если и продавали часть винограда или фрукт, то только в та-

¹⁾ Мамалыга—кушанье из кукурузной муки. Почему-то это кушанье считается всегда „национальным кушаньем абхазцев“. На самом же деле мамалыга является основным кушаньем абхазцев только лишь потому, что они никогда не имели достаточной площади годной для посева пшеницы или ржи и потому не знали этой культуры.

²⁾ В буквальном переводе—большой дом.

³⁾ „Акуаскя“ представляет собой деревянный дом, крытый драневой крышей, поставленный на подставах. Это более культурный вид постройки, вытеснивший собою „авюнду“.

Проводы гостя (сел. Поквеша).

ком количестве, чтобы вырученной суммы хватило на приобретение тех предметов одежды или домашнего обихода, которые не могут быть изготовлены своими силами ¹⁾).

Одним из основных пунктов перечня „собственных нужд“ является гостеприимство. Глядя на то, как абхазец из последних сил старается „ублажить“ гостя, можно подумать, что абхазцы и живут только тогда, когда у них бывают гости. При появлении гостя абхазец бросает всякую работу, с большим достоинством встречает гостя, затем быстро оживляется и ведет себя так, как будто не он хозяин всему, что есть в доме, а гость. Если даже случайно кто-либо зайдет к абхазцу, он никогда не отпустит пришедшего без угощения, а отсюда—и без вина, без тостов. Предложить же абхазцу плату за угощение, это значит кровно оскорбить его.

У себя в селении абхазец очень весел и подвижен, любит петь песни при всяком случае и без случая, любит стрелять в цель, джигитовать, принимает самое горячее участие в скачках. В работе и при ходьбе по горам крайне вынослив.

В городе абхазцы теряют свою природную живость, становятся молчаливыми, перестают петь и вид у них какой-то тоскливый.

Почему-то принято считать, что каждый горец чрезмерно горяч и запальчив. Такое понятие надо считать ошибочным, в данном случае—в отношении абхазцев. Эти люди умеют себя очень хорошо сдерживать и этой своей сдержанностью вызывают к себе уважение. Правда, абхазцы горды и мстительны, если их оскорбить. Но абхазцы чрезвычайно чутки зато к чужому горю; абхазца весьма легко расстроить рассказом о происшедшем с кем-либо несчастии, горестной песней и т. п.

Говорит абхазец на родном языке очень красиво и образно. Народная мудрость и фантазия стоят здесь очень высоко. Когда обыкновенный абхазский крестьянин говорит на сходе, он тщательно следит за убедительностью своей речи, никогда не говорит о пустых вещах и строит свою речь всегда так, чтобы его слушали с интересом.

В обращении с окружающими абхазец чрезвычайно вежлив: старик встает навстречу даже и тогда, если к нему подходит юноша или даже подросток.

Абхазец уважает женщину; он никогда не оскорбит ее; он не допускает ее к полевым работам; женщина не доит корову (делает это мужчина) ²⁾; она не режет скот и даже птицу.

Но... правовое положение женщины в семейном быту было настолько низко, что приведенные здесь признаки уважения к ней, ни в коей мере не могли бы сгладить в сознании женщины всей тяжести неравенства ее перед мужчиной. Слишком много пришлось бы занять места в этом маленьком сборнике, если бы начать перечисление всего того, что женщина не должна была делать в присутствии стариков, в присутствии гостя-мужчины, в присутствии отца своего мужа. Как на пример весьма показательного значения, укажу только на то, что молодая женщина не должна была разговаривать со своим мужем в присутствии его отца, не должна называть его по имени.

И вполне естествен тот горячий порыв, с которым абхазская женщина двинулась навстречу революции, на встречу социалистическому строительству, на встречу новому быту, на учебу. Это, последнее, стремление женщины тем более характерно, что у абхазцев не было принято обучать девочек в школе.

В предыдущий сборник абхазских песен включено множество народных мелодий, отражающих различные моменты быта абхазцев. Здесь же я привожу только те бытовые песни, которые не вошли в указанный сборник.

¹⁾ В настоящее время состояние абхазского виноделия значительно улучшено, и крестьяне сдают уже значительную часть винограда государственным виноделательным заводам.

²⁾ В бзыбской части Абхазии в последнее время коров доят иногда женщины.

а) Т Р У Д.

7. Арашвара ашва

(песня тохания)

„Арашвара“ означает — цапать, причем эта работа, как я уже сказал, проводится в порядке трудовой взаимопомощи и всегда сопровождается непрерывными песнями; каждый новый ряд кукурузного поля начинается песней и кончается ею. Песня эта поется работающими группами поочередно.

Записана она в сел. Ткварчелы, Кодорского уезда.

8. Песня радости.

Несмотря на то, что эта песня также поется во время цапання кукурузы, кодорские абхазцы не называют ее „арашвара“; ей присвоено другое название — песни радости, потому что она придает бодрость работе, и к тому же под эту песню часто пляшут.

9. „Килилеса“.

„Килилеса“ — ничего, собственно, не означающее слово на абхазском языке¹⁾. Песня эта названа так потому, что слово „килилеса“ произносится во время песни (о-о-о-хо, ки-ли-ле-са) на манер русского — „ой-лю-ли“ и т. п. Песня поется при окончании цапання кукурузного поля, как бы извещая об окончании работы. Запевает ее кто-либо из старших по возрасту.

Записана в сел. Квитаули, Кодорского уезда.

10. Песня страдающего.

В Гальском уезде Абхазии (бывшем Самурзаканском) жил старый абхазец по фамилии Колбая. Несколько лет подряд он лежал больным и не мог работать. Оторванность от хозяйства мучила старика, и он пел эту песню, излагая в ней „хозяйственные причины“ своих мучений. Мелодия песни перенята у него бывавшей у него молодежью, но словами песни, очевидно, никто не поинтересовался, и они не сохранились.

Записана песня в Сухуме, с напева учеников сухумской абхазской школы имени Н. Лакоба, под управлением заведующего школой т. Кондратия Дзидзария.

б) ГЕРОИЗМ и АБРЕКСТВО.

Эти два, глубоко вклинившиеся в абхазский быт явления, я соединяю в одно целое потому, что у абхазцев одно из этих явлений вытекает из другого: природный, подлинный героизм приводил некоторых абхазцев к положению абреков — людей вне закона, другие же случайно становились абреками и только тогда, уже благодаря окружавшей их обстановке, в них просыпались или природные качества подлинного героя, или инстинкт самосохранения толкал их на поступки, выходящие из ряда обычных. Кроме того, я пользуюсь случаем выяснить перед читателем некоторые причины, приводившие абхазцев к положению абреков.

Насколько это общеизвестно, можно утверждать, что массового абрекства до покорения Кавказа у горцев не существовало, и только

¹⁾ Правильно это будет „Кирие лейсон“, что на греческом языке означает — господи помилуй. Каким образом стали кодорцы произносить это слово в песне, сказать затрудняюсь.

после „замирения“ Кавказа слово „абрек“ стало широко распространенным, причем всегда было принято считать, что абрек — это разбойник.

Так ли это?

В рассказах стариков о набегах и грабежах, в судебных документах о разбое и конокрадстве, в подавляющем большинстве случаев фигурируют фамилии князей и дворян, причем членов каждой фамилии имелось чрезвычайно много; они разбросались по всей Абхазии и свою „работу“ вели крайне организованно, творя большинство своих дел руками вовлеченных в это своих молочных родственников из крестьян.

Кстати, для выяснения более полной картины, скажем несколько слов и о молочном родстве князей и дворян с крестьянами.

Существовавший у абхазцев обычай родниться и брать на воспитание¹⁾ детей тех людей, с которыми хотят иметь близкие отношения, князья и дворяне прекрасно использовали в своих личных интересах. Как только у них рождался ребенок, его сейчас же отдавали на „воспитание“ в один из крестьянских домов, тем самым приближая к себе данную крестьянскую фамилию, вступая с ней в молочное родство.

Какая же выгода была в этом для князей и дворян?

Дело в том, что если одна крестьянская семья брала на воспитание ребенка у князя или дворянина, все крестьяне, носящие фамилию семьи, взявшей ребенка, становились молочными родственниками того, кто ребенка отдал. Так, например, если Ашубовы взяли ребенка у Маршаниевых, все, носящие фамилию Ашуба, становятся молочными родственниками фамилии Маршания. (В сел. Джгерды, Кодорского уезда, Ашубовых имеется до 100 хозяйств).

Таким образом, вступая в молочное родство с многочисленной крестьянской фамилией, князья и дворяне заполучали себе вынужденных помощников во всех своих делах, так как крестьяне, согласно обычаям, не могли не поддерживать своих молочных родственников, в чем бы эта поддержка не выражалась.

Другая выгода для князей и дворян заключалась в том, что в случае женитьбы или выхода замуж кого-либо из княжеской или дворянской фамилии, последние брали у молочных родственников-крестьян все, что только было возможно: быков, лошадей, буйволов, мелкий рогатый скот и т. д.

И третья выгода была еще в том, что княгиня или дворянка освобождалась от родительских забот.

¹⁾ „Воспитание“ означает у абхазцев следующее: ребенка дают женщине из крестьянской фамилии, имеющей физическую возможность кормить его грудью: муж этой женщины считается воспитателем, а дети ее — молочными братьями и сестрами ребенка.

Кроме того, молочное родство осуществлялось еще и таким образом: если у того знатного человека, с которым хотела породниться крестьянская фамилия, не было маленьких детей, то в дом к себе, для принятия родства, приглашали его самого. На полу расстилался ковер (у бедняков — бурка), на который садилась хорошо одетая женщина с оголенной грудью. „Знатный человек“ подходил к этой женщине, набрасывал ей на грудь шелковый платок и сквозь него три раза нажимал губами сосок. С этого момента женщина считалась уже его воспитательницей, кормилицей, а все ее родственники — молочными родственниками его. Все это происходило в торжественной обстановке, в присутствии множества родственников, соседей и почетных стариков. Принявший родство произносил торжественную речь, заканчивая ее сообщением о том, что он дарит новому родственнику — мужу своей „воспитательницы“, то-то и то-то, а самой „воспитательнице“ — то-то и то-то. Почетный старик выступал с ответной речью, заявляя о том, что все присутствующие являются свидетелями совершившегося.

Бывало и так, когда для заключения очень необходимого родства в доме не оказывалось подходящей женщины, и тогда вся эта церемония выполнялась с девушкой, причем считалось, что чем моложе и красивее эта девушка, тем больше оказал хозяин почета своему новому родственнику.

Молочное родство очень высоко чтилось у абхазцев, и заключившие его люди ни в чем не должны были друг друга подводить, обязаны друг друга во всем выручать, взаимно помогать друг другу и т. д. На основании этого, когда в горах встречались два абрека и хотели каждый себя гарантировать от предательства, один из них (за неимением женщины или девушки) садился на бурку, обнажал грудь, а другой к ней прикладывался.

Здесь невольно напрашивается вопрос о том, зачем, собственно, крестьяне брали этих детей на воспитание? Какая выгода была для крестьян в родственном сближении с княжеством и дворянством?

Все дело в том, что от набегов, грабежей и конокрадства „высокопоставленных“ разбойников страдали исключительно крестьяне, так как на них делались набеги, их грабили у них угоняли скот. Но князья и дворяне делали „благородный“ жест в сторону своих молочных родственников-крестьян, ограждая их от набегов и грабежей со стороны князей и дворян других фамилий. Отсюда видно, что крестьяне в молочном родстве с князьями и дворянами искали спасения для себя и для своего хозяйства. Но на этом, опять таки, больше выигрывали князья, нежели крестьяне: если бы князь не оградил своего молочного родственника-крестьянина от ограбления, то что осталось бы самому князю на тот случай, когда ему надо женить сына или выдать замуж дочь?!

Придется прямо сказать, что эти люди, занимавшиеся, как профессией, открытым разбоем и воровством, абреками почти не были, во-первых, потому, что им потворствовали (конечно, не без материальной выгоды) царские чиновники, полиция и т. п. и, во-вторых, потому, что князья и дворяне умели во-время свалить всю тяжесть обвинений на спровоцированных ими крестьян.

Далее перечислим несколько имен тех людей, которые (конечно не по собственному желанию) выносили на своих плечах всю тяжесть, всю безотрадность положения людей вне закона, людей, живших летом и зимой в местах и условиях, в каких и зверь жить не захочет. Вот они: Кяхба Хаджарат (почти полностью уничтожил эшерских князей Дзяпш-Ипа), Шакрил Шуг, Самаххуа Омар, Бгажба Салуман, Куруа Аслан, Гагулия Дикран, Амычба Суадбей.

И это только лишь немногие имена из того списка абреков, который можно было бы здесь привести, если бы имена их сохранились в памяти у стариков, если бы о них сохранились исторические документы. Эти же несколько имен я привожу лишь в доказательство того, что среди них нет ни одного профессионала-разбойника, и к тому же — нет ни одного дворянина, ни одного князя; все они трудовые крестьяне. Причины же, толкавшие их к абрекуству, таковы:

1. „Покорив“ горские племена, царское правительство, нуждаясь в проводниках своей политики в народную гущу, усиленно насаждало князей и дворян из местных национальностей, „пожаловав“ им земли и всевозможные привилегии. И эти, продавшие себя люди, всячески способствовали порабощению края. Крестьянство же, „приобщившись к русской гражданственности“, получило казацкую плеть и полное бесправие. Энергичный, полный жизни горец — абхазский крестьянин не нашел себе применения; его не допускали к образованию, его не допускали к общественной деятельности. Во внутренний уклад жизни крайне свобододолюбивого абхаза грубо вмешивались царские опричники, требуя от абхазцев полного подчинения „милостивым“ царским законам, насильственно вводя православие и т. п.

Был случай, когда какой-то русский священник созвал целую общину абхазцев к реке под видом необходимости сплавки леса. Когда же абхазцы вошли в воду, священник неожиданно стал крестить их и затем объявил всю общину православной. Другие священники-миссионеры ходили по крестьянским домам в сопровождении стражников и предлагали принимать православие, угрожая в противном случае репрессиями. Абхазцы же не были склоны ни к православию, ни к магометанству (последнее с большим трудом поддерживалось турецкими султанами через агентов, целыми стаями бродивших по Абхазии) и всякое насильственное склонение их в ту или другую сторону, претило им уже по одному тому, что все это шло в разрез с их понятиями о свободе.

На самом же деле абхазцы верили, так сказать, „своим богам“, а именно: „богу охоты“, „богу грома и молнии“ („бог стихии“), „богу кузницы“ и т. д. и т. п. С этими „богами“ у абхазцев были особые „взаимоотношения“: „бог охоты“ был выгоден поскольку от него „зависели“ удача или неудача в охоте; с „богом стихии“ они „договаривались“ по вопросам скорейшего окончания бури и предотвращения могущих быть несчастий, а „бога кузницы“—абхазцы просто побаивались и устраивали ему жертвоприношения. Был у абхазцев и еще один „крупный бог“—это „священный“ дуб, перед которым устраивались моления о дожде и жертвоприношения („ацунух“).

Делом насильственного введения православия занимались также и офицеры русской армии, действовавшей против абхазцев. Один из чинов этой армии В. Неверовский, в своей „Краткой записке о деятельности русских войск в Абхазии“, в разделе о 1863 и 1864 гг. по вопросу о „введении христианства между абхазскими жителями Пицундской окрестности“ приводит такую выписку из послужного списка майора Артамона Воронова:

„За отличие по службе произведен в капитаны 857—ноября— 4.

Назначен воинским начальником укр. Пицунда 857— дек. —12.

За введение между абхазскими жителями Пицундской окрестности христианства—от наместника Кавказского получил благодарность, объявленную в отзыве к командующему войсками Абхазии, отделением дел гражданского устройства края, за № 758. 863— июня —24.

Произведен в майоры 868— февр. —26.

Сверх прямой обязанности имел поручение наместника Кавказа, изъявленное в предписании командующего войсками в Абхазии от 30 марта 1864 года, за № 359, возобновить пицундский большой храм, возобновление которого окончено в 1869 г. и освящен 27 сентября“.

Мы вполне отчетливо представляем себе сейчас какими „мерами“ этот царский сатрап „вводил“ христианство в целом районе, населенном крайне свободолюбивыми абхазцами. В отношении этой свободолюбивости абхазского народа я не хочу быть голословным. Тот же В. Неверовский начинает свою „краткую записку“ так:

„1. Крепость Сухум Кале.

В 1810 г. Абхазия добровольно ¹⁾ присоединилась к России. Русский гарнизон в составе двух рот матросов занял крепость. Сухумский рейд стал якорной стоянкой для Черноморского флота, крейсирующего между Севастополем и Редут Кале. Страною управлял владетельный князь, которому попрежнему абхазцы не повиновались и только в виду собственных выгод они исполняли иногда его волю, если она не шла в разрез их понятию о свободе и не тяготила их. К нашему правительству они отнеслись недоброжелательно и ненавидели русских. Этим пользовались турки, которые снабжали их порохом, свинцом, оружием и посылали своих агентов для возбуждения.

¹⁾ Везде подчеркнуто нами.

Бесперывные волнения и борьба за самостоятельность вызвали столкновения с русской властью и русскими войсками. Все наше влияние, сопровождаемое большими затруднениями со времени занятия первым гарнизоном, было фиктивное и ограничивалось стенами крепости.

Не раз возбуждался вопрос о том, не отдать ли ее обратно туркам. Эта мысль с особой настойчивостью поддерживалась в двадцатых годах, но бывший глав. ком. Кавказской армии Ермолов крайне ей воспротивился и удержал за нами Абхазию, в сущности только номинально¹.

И далее, на протяжении всей „краткой записки“ В. Неверовский излагает все этапы борьбы русских войск с ожесточенно сопротивлявшимися абхазцами, начиная с 1810 г. и по 1877—78 гг. Естественно, что трудовое население Абхазии ни в коей мере не было согласно с политикой своих владетельных князей, выразившейся в „добровольном“ присоединении Абхазии к России, ибо не подчиняясь в основном своим абхазским правителям, трудовая масса, безусловно, не хотела набрасывать на себя еще и рабское ярмо пришлых поработителей. Хотя бы из тех же материалов В. Неверовского видно, что трудовые абхазцы боролись не только с русскими войсками, но и со своими князьями и дело доходило до того, что этих князей, являвшихся ставленниками русского царизма, приходилось укрывать от повстанцев в разных краях страны вплоть до тогдашнего Петербурга, заботу о чем несло, конечно, царское правительство России.

Но одному из этих торговцев народным благополучием—князю Дмитрию Шервашидзе не повезло даже и в Петербурге. В 1823 г. он был отравлен при следующих обстоятельствах:

Восставшие абхазцы решили расправиться с предателем их интересов—Димитрием Шервашидзе и осуществление этого дела поручили крестьянину Урусу Лакоба¹). Этот мрачный и твердый характером крестьянин приехал верхом на лошади из Абхазии в Петербург, вошел в доверие к Д. Шервашидзе и пригласил его в Абхазию заверив в том, что там уже все спокойно. Когда же Шервашидзе приехал туда, Урус Лакоба угостил его отравленным шашлыком и князь тут же умер. Дело Уруса Лакоба было раскрыто русскими властями и он был публично повешен на лыхненской площади²).

Абхазский крестьянин в среднем имел четверть десятины пахотной земли на душу и, работая на таком клочке, должен был прокормить семью, платить подати (законные и незаконные), платить князьям, помещикам и казне за пастбищные луга и к тому же—соблюдать разорительные обычаи, ибо при несоблюдении их бедняка высмеивали крестьяне зажиточные.

Широкая волна крестьянских восстаний, одно за другим повторявшихся на протяжении шестидесяти лет, явившаяся следствием этого вынужденная массовая эмиграция абхазцев в Турцию, сожжение и разорение целых селений,—вот плоды царской политики в отношении трудовых горцев. Но и это еще не все: после крупнейшего восстания бзыбских абхазцев в Лыхнах и последней эмиграции, вернее—выселения их в Турцию, оставшееся коренное население разгромленной Абхазии было объявлено „виновным“, и к нему применялись такие репрессивные меры усмирения, как виселицы, расстрелы, массовые экзекуции, постой казаков в абхазских селениях безнаказанное самоуправство в отношении крестьян со стороны чинов полиции и т. д.

¹) Подробно см.—Мордовцев „Прометеево потомство“.

²) Урус Лакоба является прадедом нынешнего председателя Совнаркома Абхазии т. Нестора Лакоба.

Не выдерживая всего этого, следуя примеру своих отважных отцов, отдельные крестьяне убивали чиновников и полицейских, совершали набеги на гарнизоны, пускались на ограбления казначейств с целью заполучить деньги на оружие, убивали князей и дворян и т. д. и т. п. Таких одиночек повстанцев царское „правосудие“ публично вешало или расстреливало, но прежде чем это сделать, за ними долго охотились, и в большинстве случаев абреки попадались в руки правительства благодаря предательству опять-таки князей и дворян, которые, желая выслужиться, или уговаривали абреков сдаться, обещая помилование, или просто сообщали властям о том моменте, когда абрек находился поблизости в известном районе.

2. У абхазцев глубоко укоренилось понятие о том, что если о человеке ничего примечательного не говорят, если о его смелости и удали никому ничего не известно, если ум его и красноречие не являются ни для кого авторитетом,—это человек, не стоящий никакого внимания и уважения. Быть таким человеком никто из абхазцев не хотел, и каждый старался проявить себя как позволяли ему это окружающая обстановка и жизненные условия.

Условия же эти для трудовых крестьян были крайне незавидны: применить в полезном деле свою природную активность трудовой абхазец не мог, ибо его к этому не допускали; заслужить внимание общества образцовым ведением хозяйства на той четверти десятины земли, которую рядовой крестьянин имел в своем распоряжении, безусловно, не было возможности; противопоставить авторитету богатея князя или дворянина авторитет бедняка,—это было не в духе эпохи владычества русского царизма на Кавказе. И отдельные крестьяне, видя безнаказанность дворянского и княжеского разбоя, пустились сами на разбой, причем делали это исключительно с целью заслужить звание неустрашимого „героя“ и тем самым приобрести себе „уважение общества“ и т. п.

Откуда же взялось у трудовых крестьян, в принципе предпочитавших честный труд над землей грабежам, такое ложное понятие о героизме и доблести, как результатах вооруженного разбоя.

Дело в том, что привилегированное сословие абхазцев, занимаясь грабежами, получая выкуп за награбленный скот и пленных людей, продавая последних в рабство и наживая себе на этом состояние,—из века в век прикрывало свои преступления именем „славы героев“, именем „бесстрашных подвигов“, требуя к себе за это великого почета, преклонения и т. п. Трудовые абхазцы вместе с молоком матери всасывали ложное понятие о героизме и так и росли с неправильным представлением о границах между благородством, героизмом, как таковыми, и подлостью, доходящей до торговли людьми, не говоря уже о грабеже и конокрадстве.

Я совсем не хочу обидеть абхазскую женщину, но тем не менее считаю обязательным отвести должное место роли женщины как воспитательнице в ребенке тех или других чувств или понятий, как существа уже только по природе своей могущего смягчить жестокие инстинкты горца.

Что же делала абхазская женщина.

Если это была мать, она над колыбелью сына пела песни о „героях“, напавших на такой-то аул, уведших столько-то людей и скота и прославивших этим свои имена. Она рассказывала подрастающему ребенку „поучительные“ истории о том, как такой-то убил такого-то, как после этого все стали уважать и... бояться его и т. д., и т. п. Когда же ребенок вырастал в мужчину, способного трудиться и когда трудом этим он не добывал себе материального благополучия и должного положения в обществе, мать указывала ему на „славу“ разбойных богачей и упрекала его в том, что он „не мужчина“, поскольку не может принести семье довольство и авторитет.

Если же это была девушка, она просто считала негодным для себя женихом того джигата, который не умеет хорошо воровать.

Но нельзя не сказать и о том, что абхазская крестьянка не виновна в этом, ибо подражая матери-княгине, мать-крестьянка жаждала услышать похвалу подвигам своего сына; подражая девушке дворянке или княжне, крестьянская девушка в мечтах своих всегда видела своим женихом такого человека, имя которого произносится только как имя героя, как имя джигата, за которого поднимается первый тост за любым абхазским столом.

3. Попадали в положение абреков и люди, которые считали своим моральным долгом заступаться за обиженного, за поруганного. В подтверждение этого, как пример, я приведу два случая, приведшие одного трудового крестьянина к тяжелой участи абрека. Случаи эти относятся к последним годам перед октябрьской революцией, и имя этого человека еще не забыто бзыбскими абхазцами. Я не буду теперь, по многим причинам, повторять это имя, а просто дам этому крестьянину имя Даута.

Даут от природы был человек беспокойного уклада. Юношей его можно было всегда видеть там, где происходил случай явной несправедливости, где надо было со всей пылкостью честной молодости вступить за пострадавшего.

В Гудаутах¹⁾ был городской, всегда ходивший по улицам с небольшой цепью в руках, ударами которой он частенько награждал крестьян, принадлежавших к той породе людей, которая не может за себя постоять ни взглядом, ни словом, ни жестом, ни делом. Этот городской спровоцировал однажды группу крестьян бедняков на скандальную историю, за которую они были сосланы в Сибирь, что для абхазца равносильно смерти.

Как-то Даут зашел к крестьянке, матери одного из сосланных, и невольно явился свидетелем ее причитаний. Эта абхазская крестьянка, всей тяжестью массива веков придавленная к твердыне адата, требующего кровной мести, в своих причитаниях произносила такие фразы: „...Кто покажет мне проклятого человека, из-за которого сослали моего сына...“ „...когда умрет этот злосчастный полицейский...“ „...кто покажет мне его смерть...“ и т. д., и т. д.

Даут не дослушал несчастную мать и ушел. А на следующий день городской был убит.

Это — случай первый, и мне кажется, что комментарий он никаких не требует.

Случай же второй является еще более показательным:

Некий ловкий делец и зажиточный человек, которому я вымышленно даю имя Салыбея, сблизился в качестве молочного родственника с одной крестьянской семьей. Пользуясь этим родством, Салыбей силою овладел своей молочной сестрой. В абхазских условиях это являлось высшим позором как для девушки, так и для Салыбея, но проучить его никто не решался из-за его влиятельного положения.

Об этом узнал Даут, и как-то, на свадьбе у одного крестьянина они встретились.

За Салыбея был поднят тост. Даут не выпил свой стакан и обратился к Салыбею с вопросом:

— Это ты будешь всеми уважаемый Салыбей?

— Да, это я. — ответил Салыбей.

— Я слышал, Салыбей, очень много хорошего о тебе. Я слышал, что ты очень храбрый мужчина и пользуешься большим вниманием со стороны женщин...

Салыбей ответил на это какой-то похабностью по адресу женщин вообще.

¹⁾ Теперь уездный город Абхазии.

Тогда Даут спокойно пригласил его выйти с ним во двор.

— Ты не трус, Салыбей?— спросил Даут во дворе.

— Нет...

— Если это так, достань свой револьвер и стреляй в меня,—сказал Даут, спокойно глядя в глаза Салыбею.

Тот испугался и дрожащими руками быстро вынуть револьвер из кабуры не сумел.

Даут усмехнулся.

— Ты напрасно, Салыбей, носишь свой револьвер...

И пуля из револьвера Даута свалила Салыбея на землю.

— Такая смерть, пожалуй, слишком хороша для такого негодяя,—сказал Даут и, подняв Салыбея на руках, со всей силой ударил его о землю.

На выстрел сбежались гости и окружили Даута. Он окинул собравшихся долгим взглядом и спокойно произнес: „Давай дорогу“. И заложив револьвер в кабуру, Даут удалился.

4. Случаи аб рекства на почве обыкновенной преступности имели, конечно, место в быту трудовых абхазцев, но это были случаи, получившие свое начало или от морального уродства семьи, где иногда матери, руководимые жаждой обогащения, толкали сыновей на обыкновенное воровство, или от моральной неустойчивости самого лица, совершившего преступление. Такое же явление не ново ни для какой национальности.

5. Вовлекая своих молочных родственников крестьян в набеги и ограбления, князья и дворяне, попавшись в преступлении, умели во-время „умывать руки“ и оказываться в стороне от дела. Крестьяне же вынуждены были уходить в горы и скрываться там, потому что их „покровители“ заботились больше о собственной неприкосновенности, чем о благополучии крестьян, хотя бы и молочных родственников.

6. Убийства на почве кровной мести, зачастую принимавшие повальные размеры, также влекли за собой аб рекство. Но об этом жутком обычае я буду подробнее говорить в следующем разделе этого сборника.

Вот как аб рекство стало в конце концов почти нормальным для абхазцев бытовым явлением, резко прекратившим свое существование с момента установления советской власти. Приведенные же здесь причины этого явления говорят за то, что абреков из крестьян никак нельзя назвать именно разбойниками. Эти люди больше всего являлись жертвами существовавшего тогда, и невыгодного для трудового абхаза какой бы то ни было эпохи, политического строя; они были жертвами своего социального положения, жертвами жестокого адата.

Я утверждаю это тем более смело, что теперь, когда для абхаза настала, наконец, желанная эпоха интернационального коммунизма, я вижу тех людей, которые слыли когда-то „разбойниками“, прекрасно работающими сейчас на советской работе.

Теперь — о подлинном героизме.

В абхазском языке нет особых слов „героизм“ или „герой“; по-абхазски слова „герой“ и „мужчина“ означают одно и то же („ахаца“), т. е. герой не может не быть мужчиной, мужчина же не может быть не героем. Если хотят о ком-нибудь сказать, что он герой, говорят: это — мужчина.

Значительное количество песен о героях и абреках приведено мною в предыдущем сборнике, и здесь я привожу только не вошедшие туда песни, или песни, записанные в особом кодорском варианте.

11. Песня о Напхе Кягуа.

Эта песня помещена в предыдущем сборнике в трех бзыбских вариантах. Здесь же я привожу ее в очень оригинальном кодорском варианте, записанном мною в сел. Мокви, Кодорского уезда. Текст этой песни

кратко также приведен в предыдущем сборнике, причем он был впоследствии художественно оформлен т. Аврелием Левит и выпущен отдельной книжкой в издании Наркомпроса Абхазии.

Содержание этого сказания довольно резко подчеркивает то обстоятельство, что Кягуа был героем не в ковычках, а подлинным народным героем, выступавшим на защиту угнетенных и обиженных, таких же, как и сам Кягуа, трудовых крестьян.

А. Левит дает Кягуа такую характеристику:

— „Боролся он не для того, чтоб славу себе снискать в горах, среди ветров, не для того, чтобы жизнью наслаждаться в семейном теплом очаге. Он был героем не кулачных схваток и не разбойничьих набегов на сельчан. Боролся Напха с княжеским разгулом, за труд и волю бедняков“.

Это вполне так, ибо когда черкесский князь Мазлоу украл у вдовы двух сыновей — подростков, именно к Напхе Кягуа пришла несчастная мать искать защиты.

И Кягуа со всей честностью заступился за поправленные права неприкосновенности трудовой крестьянки.

Таких подлинных крестьянских героев среди абхазцев было не мало, и среди трудового населения они пользовались огромным авторитетом и глубокой преданностью.

12. Песня о Пшькяче.

Песня эта также имеется в предыдущем сборнике и о ней дана там соответствующая справка. Здесь я привожу ее в кодорском варианте.

Записана песня в подселке Гуады, Джгердинской общины.

13. Песня о Беслане Абатаа.

(Записана в сел. Джгерды).

Содержание этой песни изложено в сборнике „101 абхазская народная песня“. Героизм Беслана и его брата Батакуа нашел свое отражение в народной песне и сейчас еще не сходящей с уст кодорских абхазцев. Поступки двух братьев знаменательны, главным образом, открытой борьбой против целой княжеской фамилии на Северном Кавказе.

14. Песня о Кучуке, сыне Аджгирея.

(Записана в с. Беслахуба).

Кучук скрывался в горах от казачьих пуль, от царской виселицы, и в то же время Кучук был страшным абреком для казаков, для полиции. Он совершал налеты на гарнизоны, он беспокоил казачьи сотни своими набегам и был неуловим по вполне естественной причине: трудовое крестьянство поддерживало его, видя в нем поборника за крестьянское дело.

Однажды Кучук был ранен, и о том, как он вел себя в то время, когда старики абхазцы вынимали у него пулю из ноги, существует особая песня, помещенная мною в предыдущем сборнике.

Умер Кучук не так, как ожидали, как принято ожидать у абхазцев, и о нем сложилась песня:

Когда жив ты был, на поле Казма,
Кроме себя, ты никого не пускал...
Когда услышали, что ты умер,
Гордая казачья конница
Следами копыт бороздит это поле.
А при тебе — они не решались.

В этой части идет речь об удали и героизме Кучука. Дальше же речь идет уже о беспричинной, как бы недостойной абхаза, смерти Кучука. Абхазцы считают, что герой должен умереть обязательно геройской смертью, смерть же, не связанная с последним геройским подвигом, считается постыдной.

Я думал, что тридцать пуль
Тебя на землю не положат.
Но то, что вызывает у детей понос — персик,—
Он тебя погубил.

Для абхаза было просто непонятно, как это герой мог позволить себе умереть из-за какого-то персика.

15. Песня героев.

(Записана в сел. Поквеша, Код. уезда).

Быть может, эта песня вовсе и не так называется, но абхазцы очень часто, вспоминая какую-либо старинную песню и не помня ее настоящего названия, называют ее „ахаца-раша“—песня героев. И это только потому, что героизм как подлинный, так и ложный, занимал в свое время почетное место в абхазском быту.

Ниже я привожу слова очень старинной песни о поступках героев без ковычек, а так же и в ковычках, которую пел некогда лучший знаток абхазских песен Тапагу Чукбар. Эти слова мне передал его сын—Антон Чукбар.

1. Голова его несчастная на столе,
Туловище продолжает сражаться,
Лучшая шашка его подобно хворостине согнута,
Пистолет его круглый от жары разорван,
Конь его несчастный буланый окровавлен,—
Чзймаа Едйгь.
2. Дорогу, по которой увели его жену, он не нашел;
По тропинке напрямик придя,
Десять дворов забравший,—
Хатхуа Селым.
3. Когда войска собирались кого вождем избрали,
В Хагуашв когда сражались, по десяти кто выводил,—
Адагов сын—Хаджи Кярантух.
4. Единая пуля кому в голову попала,
Женщин и детей, не взирая, на лошади кто выводил,—
Адагов сын—Хаджи младший.
5. Грудью лошади воинов согнав,
По десяти кто выводил,—
Едйгов сын—Соулах.
6. „Ружейный огонь нас отдаляет —
Шашками двинемся“ кто говорил,—
Кятов сын—Сахаткери.
7. Кроме как на арлухан кто не садился,
Шашки, афрангя, кроме кто не носил,
Детей и стариков отстававших
Кто вокруг кружился,—
Кяца Бакмирза.

8. Когда впервые явились,
Кто шелковое знамя взял,
Потом явившись
Кто бархатное знамя вынес,—
Гяч Рашид.
9. Звук его ружья—звук пушки,
Голос его—голос барабана,
Детям бедным нашим кто колени подгибал,—
Асадзба Смёл.
10. Войска когда собирались
Вождем кого избрали,
Войска те когда сошлись
От кадушки¹⁾ кого оторвать не могли,—
Купалов сын — Ханашв.
11. Черный человек большой
За камнем притаился...
Каждым выстрелом — врага одного
В неприятность вводил,—
Абагов сын — Пара.
12. Ружье разноцветное большое.
На чьих плечах лежало,
Буре подобно войска кто содрогал,—
Башныху Хит.
13. „В один день кто родился,
В один и умрет.
Сегодня же погибший не даром умрет“,
сказал Куаблухов сын — Зафкара.
14. Семерых имея, явившись
Десятерых кто взял,—
Багов сын — Сыкун.
15. Бзыбской бараниной
Кто содержался —
Куджба Бзагяус.

ПРИМЕЧАНИЯ:

К стиху первому. Во время знаменательной борьбы горцев за независимость Кавказа, бывали случаи, когда головы снятые с пойманных повстанцев клались на стол, за которым восседали офицеры штабов царской армии. Очевидно, эти случаи были не редки, т. к. слова о том, что „голова оказалась на столе правительства“ неоднократно встречаются в тех абхазских песнях, в которых поют о борцах за независимость (см. „песню изгнанников“ в сборнике „101 абхазская народная песня“). В данном стихе речь, очевидно, идет о подобном повстанце. В третьей строке стиха говорится о шашке, называемой абхазцами „афранг“.

К стиху второму. В те тяжелые времена, когда социально-экономические условия жизни заставляли трудовых горцев искать подвигов и материального благополучия во взаимных набегах племен, считалось особенным „геройством“ увести чью-либо жену. Конечно, пострадавший

¹⁾ В песне говорится о такой кадушке, в какой абхазцы держат в горах кислое молоко.

жестоко мстил за это сожжением и разорением хозяйств и уводил в плен людей из того аула, куда была уведена женщина.

К стиху третьему. В Абхазии, в районе горы Арабик, есть чрезвычайно узкий горный проход, который и называется Хагуашв, т. е. „Наши ворота“. Условия этой местности не позволяли вывести в бой или увести крупную боевую единицу сразу, т. к. сверху один человек мог бы уничтожить целый полк. И в этом проходе, говорят абхазцы, пролито столько крови, „сколько в морях нет воды“. Поэтому, умелое распределение и вывод боевых сил через этот проход считалось крупнейшим героизмом.

К стиху четвертому. Быть может Хаджи — младший был и положительным героем, если понимать песню в том смысле, что он, не взирая на опасность увозил женщин и детей от нападающего врага. Если же речь идет о том, что он брал в плен женщин и детей, тогда его подвиги придется взять в кавычки.

К стиху пятому. Вероятнее всего в стихе, говорится о смелости человека, который не оружием, а грудью лошади собирал по десятку побежденных и уводил их в плен.

Стих шестой пояснений не требует.

К стиху седьмому. Абхазское слово „арлухан“ переводу на русский язык не поддается, но надо подразумевать под этим словом название какой-то особенной породы лошадей.

К стиху восьмому. Шелковое знамя считалось по достоинству выше бархатного. После какой-то явной удачи со взятием шелкового знамени, Рашида постигла, очевидно, неудача (быть может даже и удача, но не столь яркая как первая). Абхазцы же такие неудачи своим героям не прощают.

К стиху девятому. Я очень плохо понимаю героизм людей, деяния которых являются устрашением для детей (колени-то подгибались у них, конечно, от страха) и я беру на себя смелость отнести Асадзба Смела к разряду героев отрицательного значения, ибо героев настоящих дети не боятся, а любят.

К стиху десятому. Купалов сын — Ханашв жестоко поплатился за свою чрезмерную любовь к кислому молоку, за неоправданное доверие, за трусость, оказавшись остро осмеянным в этой песне.

К стиху одиннадцатому. „Неприятность“ для врагов Пәра выражалась в том, что каждый его выстрел заставлял одного из них в страхе нарушать чистоту воздуха.

Стих двенадцатый пояснений не требует.

К стиху тринадцатому. Вполне правильно Зафкара считал честью умереть в борьбе за поруганные права свободного горца. Песня эта безусловно относится к эпохе покорения Кавказа.

Стих четырнадцатый пояснений не требует.

К стиху пятнадцатому. Ясно, что Бзагяус был человеком того разряда людей, которые живут за счет трудовых крестьян. В песне говорится о том, что Куджба существовал за счет кражи баранты, принадлежавшей крестьянам и пасшейся на Бзыби.

в) АБХАЗЦЫ В ГОРАХ.

Целый ряд песен, сопутствующих горному быту абхазских пастухов и охотников, приведен мною в первом сборнике. Помещая же здесь две охотничьи песни кодорских абхазцев, я пользуюсь удобным случаем рассказать правду о пастухах и охотниках, внести некоторые коррективы в превратное изложение их быта теми товарищами, которые не были у пастухов и писали о них со слов „добровольных абхазоведов“, или, побывав у пастухов, сами неправильно поняли те или другие явления. Я хочу рассказать здесь кое-что о горных законах абхазцев.

Пастухи — абхазцы — это совсем не то, что принято было считать пастухом в России. Абхазский пастух — это овцевод, из года в год проводящий все лето на горных пастбищах (альпийских лугах) вместе со своим стадом, там же, на месте перерабатывающий молоко в сыр, организующий из нескольких фамилий чуть ли не подлинную трудовую коммуну.

Когда-то, очень давно овцеводство в Абхазии было широко развито. Правда, это не являлось промыслом абхазцев, а было лишь тем, что каждый абхазец считал для себя, как для хорошего хозяина, обязательным. Конечно, кое-кто и сбывал продукцию овцеводства в ближайшие аулы или центральные районы, но это были случаи единичные и при том вызываемые той или другой хозяйственной необходимостью.

Позже, когда в Абхазии стало чрезмерно много князей и дворян, которые, взяв в свои руки горные пастбища, сдирали с крестьян большие суммы за право пользования лугами, овцеводство стало все больше и больше падать. Этому упадку способствовали в значительной мере еще и многочисленные эмиграции абхазцев в Турцию, когда мелкий, крупный рогатый скот, лошади — все продавалось за бесценок перекупщикам, угонявшим все это в Россию. С того времени обмельчавшие овцеводы стали объединяться по несколько фамилий вместе, общими силами поддерживая овцеводство (хотя уже и мелкое), но существующее и до сего времени.

Мужская половина семьи, имеющая в горах несколько коз и овец, уходит в горы к стаду поочередно, где проводит определенное время и возвращается в низину к своему хозяйству. Если же небольшое стадо имеют вдовы или сироты, его безвозмездно пасут ближайшие соседи — пастухи.

Объединившаяся группа крестьян-овцеводов сообща выгоняет стадо на летнее пастбище, отстоящее от жилья на расстоянии от 20 до 100 верст. Там общими силами строится балаган (или кош), в котором живут пастухи все лето. Обязанности строго разделяются между всеми пастухами данного коша: одни доят коз, другие сносят молоко к балагану, третьи сливают его в специальные длинные боченки, кипятят, заквашивают молоко, готовят из него сыр и т. д.

Тут же в свободное время пастухи занимаются изготовлением деревянных кружек, ложек, боченков, лопаток для раскладки мамалыги и т. п. Вечером, освободившись от дневных забот, пастухи собираются у костра и рассказывают, кто что знает, играют на ачарпане ¹⁾, поют старинные песни. Между прочим, пастухи являются почти единственными носителями богатейшего фольклора старой Абхазии и лучшими игроками на ачарпане.

Этот примитивный инструмент не просто забава и развлечение, а производственное, если можно так выразиться, орудие в руках пастухов. Музыкой ачарпана возбуждают аппетит у коз и овец (отсюда — наибольший удой) ²⁾, музыкой ачарпана созывают затерявшихся в холмах и ущельях лошадей; особыми песнями ачарпана выбирают из табуна лошадей двухлеток, трехлеток и т. д. ³⁾. Заболевшего пастуха отвлекают от страданий опять-таки мелодиями ачарпана; под этот немудрящий инструмент-свистульку пастухи исполняют безумнейшие по темпераментности абхазские пляски ⁴⁾.

Пастух сталкивается со всякими необычайными явлениями, какие могут встречаться только в диких, необитаемых горных местностях, и реагирует на них, естественно, в духе окружающей обстановки. В горах гроза

¹⁾ Род свирели. Подробное описание см. в сборнике „101 абхазская нар. песня“.

²⁾ „Песня кормления стада“ (см. сборн. „101 абх. народн. песня“).

³⁾ Очевидец этого явления сказал мне о местонахождении пастуха, делавшего это, но в той местности мне побывать еще не удалось.

⁴⁾ „Танец пастухов“ — см. указан. сборник.

Стоянка абхазских пастухов на горе Арихва,

возникает внезапно, и раскаты грома всегда бывают чрезвычайно сильны благодаря чрезмерной близости облаков. Пастухам скрываться от грозы негде, и бороться с ней они не могут. Но на это стихийное явление они все же реагируют (весьма, конечно, своеобразно), пытаясь как бы договориться с природой: старший по возрасту из пастухов запекает, а остальные подхватывают „Песню бури“¹⁾, которая должна, по поверию, прекратить грозу в скором времени, и отвести в сторону от коша могущее быть несчастье.

У пастухов существует целый ряд обычаев, создавшихся в необычайной обстановке, окружающей их. Так, например, если кто-либо в горах гибнет, свалившись со скалы или от другой причины, погибшего нельзя оплакивать, но над ним можно петь горестные песни²⁾. И без того стыдливые, абхазцы считают крайне неприличным ходить в горах оголенными или даже без рубахи³⁾. Ссориться в горах запрещается самым категорическим образом.

Мне кажется, что последний обычай весьма не вреден по следующим причинам: все количество сыра, добываемого из козьего молока, делится поровну между участниками данной группы пастухов, независимо от того, сколько чьих коз имеется в общем стаде. При дележе никогда не возникает никаких споров, а тем более ссор. Пастухи считают недостойным подрывать товарищеские взаимоотношения, построенные на взаимной помощи и поддержке, каким бы то ни было ссорами. И недоразумения, если они возникают, быстро улаживаются авторитетом большинства. И вполне понятно, что обычай, запрещающий ссоры, играет не последнюю роль в прочности объединения.

Некий сценарист, написав кино-сценарий на абхазские темы, указал там, что пастухи едят в горах хлеб с маслом. Такое заявление мне кажется более чем странным: абхазцы вообще в деревне никогда не имеют хлеба; в горах за 80—100 верст от жилья, пастух находится не меньше двух месяцев, и там у него тем более не может быть хлеба. Вообще же абхазские крестьяне настолько привыкли к мамалыге и неприучены к хлебу, что при употреблении последнего у многих выступают какие-то красные пятна на теле. (Об этом явлении знает медицина). Что же касается сливочного или какого-либо другого масла, то абхазцы не только ничего не знают об его употреблении, но и не имеют абсолютно никаких познаний в области его приготовления.

Незадолго до первого снега в горах пастухи переходят в район своего селения, где стадо находится в лесу до весны. Сыр, изготовленный в горах за лето, является почти основной пищей абхазцев в течение всего года.

Из всего же здесь сказанного вытекает естественное заключение: абхазский пастух — это не овцевод-промышленник, не крупный овцевод, добывающий себе состояние на овцеводстве. Но это и не пастух-наймит. Как русский крестьянин в приварок к хлебу сажает капусту, картофель, помидоры и прочее, так абхазский пастух-овцевод, в дополнение к основной пище — мамалыге, вырабатывает для себя за летний период нужное количество сыра. Натуральное скотоводческое хозяйство — вот более или менее правильное определение значения абхазца как овцевода.

Охотниками, хорошо знающими все тонкости этого, довольно-таки хитрого в горной обстановке, дела в большинстве случаев являются

¹⁾ „Песня бури“ — см. тот же сборник.

²⁾ „Песня убившего сына“ — см. тот же сборник.

³⁾ В августе 1929 г. я поднимался с озера Рица на гору Арихва. Мне было жарко, и я снял рубаху. Сопровождавший меня абхазец Дуг Джения долго косо посматривал на меня и затем, очевидно не выдержав, сказал: — „Костя ты — наш человек, и я прошу тебя не обижать пастухов“. Я не понял, и он объяснил мне: — „Если пастухи увидят тебя без рубахи, они подумают, что ты не признаешь их за людей, не хочешь с ними считаться, явившись к ним в горы раздетым“.

те же пастухи. Уходя в горы, они несут с собой туда свои ружья ¹⁾ и, освобождаясь временно от постоянных занятий овцевода, уходят на охоту или в леса (на медведя), или глубоко в горы (на оленей, джайранов, туров и т. п.). На тетеревов, имеющих в горах в большом количестве, абхазцы почти не охотятся, очень часто, просто мимоходом, убивая их палками.

Охота абхазца напоминала в свое время какое-то священнодействие, сопровождаемое целым рядом различных обрядов. Так, идя на охоту, абхазцы предварительно пели песню „Дад Иуана“ ²⁾, в которой обращались к богу охоты по имени Джеипшь Хан ³⁾ с просьбой нагнать на охотников множество зверей, причем, если это будет мелкий зверь, то чтобы его было голов тридцать, если же это будет олень, то чтобы он был не меньше как шестнадцатироговый ⁴⁾.

На время охоты у абхазцев существует особый охотничий язык, построенный исключительно на мягких звуках ⁵⁾, напоминающий легкий шелест ветра и употребляемый с целью не спугнуть зверя. Увидев же его абхазцы никогда не стреляют до тех пор, пока не подпустят зверя на расстояние, обеспечивающее меткость выстрела. Такие звери, как олень, тур и джайран, крайне чутки и чувствуют человека на большом расстоянии по запаху, передающемуся по воздуху. Чтобы обмануть эту чуткость, охотники всегда идут на зверя так, чтобы направление ветра шло не со стороны охотника, а со стороны зверя—на охотника.

Между прочим, абхазцы—это самые страстные охотники и, видя зверя, не стрелять в него—абхазец не может. Такого охотника, который не стреляет в зверя, абхазцы просто не понимают. В этом отношении небезынтересно привести здесь такой случай: когда-то давно в Абхазию приехали английские туристы, которые во что бы то ни стало хотели видеть туров. Охотники абхазцы взялись это устроить им. Туристов они спрятали в скалах и затем пошли в обход для того, чтобы пригнать туров к тому месту, где сидят англичане. Абхазцы думали, что они будут стрелять в туров, но каково же было их удивление, когда туристы вместо стрельбы стали фотографировать стадо туров фотоаппаратами. Абхазцы невероятно рассердились на это и серьезно поссорились с туристами.

Будучи чрезвычайно осторожными охотниками, абхазцы считают позорным, вместо зверя, случайно подстрелить охотника, и если такой случай происходит, он является небывалым событием в жизни абхазцев. Однажды такой случай произошел, и поэтому поводу сложилась даже песня такого содержания:

В пятницу рано утром
Своим сверстникам он сообщил,
Чтобы рано утром в субботу
Их ружья и сами они были готовы.
Так пошли они на охоту
В субботу утром ранним...
Но первая вылетевшая пуля
Попала в сердце тому,
Кто всех на охоту звал.

¹⁾ Не безынтересно то, что абхазцы никогда не оставляют свои ружья в том состоянии, в каком приобретают, каждый владелец ружья пригоняет его по своему вкусу, переделывая или мушку или прицельную рамку, или ложе, а то и все ружье с низу до верху.

²⁾ См. сборник „101 абхазская народная песня“.

³⁾ Джеипшь Хана абхазцы считали как бы „главным распорядителем“ в зверином „царстве“.

⁴⁾ Шестнадцатироговый олень—это весьма редкое явление и поэтому выстрел, уложивший такого оленя, считается рекордным выстрелом.

⁵⁾ Д. И. Гулия „Охотничий язык у абхазцев“.

Охотники-абхазцы в районе горы Бамбей-Яшта.

Когда охотники подошли к нему,
 Он сказал им: не удивляйтесь...
 Со мной случилось такое,
 Что бывает с каждым мужчиной.
 И этим он обыкновенным себя показал...
 Моя мать никого, кроме меня не имеет,
 Я тоже не имею никого, кроме нее...
 Пока я не умер, поскорее
 Покажите меня матери...
 Черной буркой его окутали
 И на носилках домой понесли.
 Когда в его дворе показались,
 Он матери своей весело сказал:
 Ничего, мать, не случилось;
 Меня на лошади верхом привезли...
 А мать поняла и сказала:
 Чтобы также верхом
 Твою несчастную мать привозили.
 Когда умирал он, матери сказал:
 Случилось это, правда, из-за сверстников,
 Но было это совсем случайно.
 И как любила ты их, когда я был жив,
 Так продолжай и теперь...
 С восходом солнца он родился,
 Вечером, с заходом солнца, умер...

Абхазцы проводят на охоте несколько дней, не возвращаясь к балагану, но пищи при себе никакой не имеют, кроме куска сыра и кислого молока в маленьком бурдюке, которое они пьют с водой или со снегом, добываемым из котловин.

Убив зверя, абхазцы пели над ним „песню богу охоты“ ¹⁾, в которой благодарили его за удачу. Эта же песня пелась охотниками, когда они, по возвращении с охоты, приближались к балагану, чем давали знать, что охота прошла удачно и они идут с добычей.

Когда жарили принесенное охотниками мясо убитого зверя и затем кушали его, абхазцы пели такую песню:

Золотой Джеипшь-Хан,
 Владыка зверей.
 Джеипшь-Хан—
 Владыка большой.
 Зверей ты нам дал,
 Джеипшь,—спасибо ²⁾.

Но прежде чем приступить к трапезе старший по возрасту из находящихся в балагане берет зажаренный на костре кусок мяса и, держа его на палке высоко перед лицом, произносит хвалебную речь, которую заканчивает, примерно, так: „...Чтобы и в будущем вы стреляли так метко, как курица клюет зерно кукурузы“. Или же, бросая в огонь кусочек мяса, говорит: „...Как без промаха я попал куском мяса в огонь, так без промаха, чтобы попадали ваши пули в зверя“.

¹⁾ См. сборник „110 абхаз. народн. песня“.

²⁾ См. тот же сборник.

16. Песня охотников (аэргь).

У кодорских абхазцев моменты охоты дополняются еще следующей подробностью: когда убивают зверя, охотники становятся на высокой скале и звонко поют приводимую здесь песню с той целью, чтобы в балагане услышали и пришли бы помогать нести убитого зверя.

Записана в сел. Мокви, Кодорского уезда.

17. Песня охотников (аэргь).

Песня эта того же значения, что и предыдущая. Записана в сел. Джгерды, Кодорского уезда.

Рога убитого зверя охотники всегда оставляют у себя, принося их домой в селение как бы в качестве свидетелей того, что они неплохо охотились. Такие рога можно встретить почти в каждом абхазском дворе, висящими на наружной стене дома.

Нередки здесь и несчастные случаи, происходящие с охотниками. Увлекаясь погоней за зверем, абхазцы зачастую срываются со скал и гибнут. ¹⁾

г) ОДНА ПЕСНЯ ОТВЛЕЧЕННОГО ЗНАЧЕНИЯ.

18. „Любовь“. (Записана в с. Квитаули, Кодорского уезда).

Я беру это слово и как название песни, и как слово в ковычки потому, что, спевший мне эту песню абхазец Корсанта́л Адамя́, на мой вопрос о том, как называется эта песня, ответил мне именно в ковычках— „абхазская любовь“. Может быть Корсанта́л человек разочаровавшийся в этом чувстве, может быть он совсем не признает его и потому так иронически отнесся к содержанию этой песни. А быть может он просто порицает поведение девушки, героини этой песни и умышленно подчеркивает ковычками присущую некоторым абхазским девушкам завистливость и отчасти—заносчивость.

Но что бы ни думал Адамя́ на этот счет, я все же считаю своим долгом передать здесь слова этой песни, несмотря на всю их неприглядность.

Из слов песни надо понимать, что какой-то молодой абхазец просил девушку быть его женой и в ответ на это услышал следующее:

То, что у твоего отца осталось —
Злосчастный двор, — кругом окопай канавой,
После того — огороди забором из кольев...
В середине двора построй замок,
Вокруг замка сделай сад...
С деревьев чтобы сбивали яблоки,
Пущенные тобой в сад буйволы...
И яблоки, такие хорошие яблоки,
Чтобы падали на землю со звуками...
Находясь в последней комнате,
Чтобы я видела это и смеялась...
Яблок чтобы было так много,
Чтобы соседние женщины
Могли набирать их корзинами...

¹⁾ См. „Песня о Гудысе“ и „Песня скалы“ (сборн. „101 абхаз. народная песня“).

Ты пойдешь, красное яблоко
 Выберешь и мне принесешь...
 Один кусочек, тонкий, как папиросная бумага,
 Отрежешь и на язык мой положишь.
 И проглотить его чтобы могла я не чувствуя...
 Буйволлов своих ты продай,
 Деньги по сто рублей в карманы положи...
 И когда я поеду в город,
 Найди мне семь или восемь подруг,
 Чтобы меня сопровождали.
 А как в город приеду,
 Найми мне мальчика,
 Чтобы стремя серебрянное поддержал...
 Прибавь еще и того, кто будет
 Держать мой зонтик...
 Если все это ты сможешь,
 Пожалуй, я и буду твоя...
 Но, если не сможешь, тогда —
 Духа твоего чтобы не было в моем дворе.
 Ты, весь плесенью покрытый,
 В черкеске своей ты, давно немытый;
 Дорожный запас пищи во рту держишь;¹⁾
 Все, что от летнего труда получил,
 В одной поле черкески поместилось...²⁾
 Когти на руках у тебя длинные,
 А ноги годятся только виноград давить³⁾...
 На голове у тебя негодный башлык повязан,
 Усы твои поздние, а борода — ранняя⁴⁾...
 Что ты хочешь от меня,
 Если сам ты негодный,
 И требовать от тебя ничего нельзя...

Очень трудно сгладить содержание этой песни какими бы то ни было комментариями. Единственно, что можно сделать — это согласиться с ковычками Корсантаэла в отношении слова любовь в применении его к девушке такого рода, какая видна в словах настоящей песни.

д) АБХАЗСКИЕ ПЛЯСКИ.

Танцевать у абхазцев принято больше всего под пение; пляски под аккомпанимент апхерца или аченгура — явление весьма редкое. Абхазцы абсолютно не знают никаких других плясок, кроме своей народной пляски, являющейся, как и песня, неотрывной частью повседневного быта. Развлекая гостя — они поют и танцуют; развлекаясь сами (дома, в перерывах полевых работ, во время отдыха на пути в горы и т. п.) — поют и танцуют; на свадьбах — поют и танцуют; в ожидании начала сельской сходки — поют и танцуют; в школах, в свободное время — поют и танцуют; во время устраиваемых народных скачек, перед началом их — поют и танцуют и т. д., и т. д. Между прочим, абхазцы никогда не танцуют с кинжалами, но в то же время пляска их как бы напоминает собой боевую схватку благородных противников.

¹⁾ Девушка хотела сказать, что у него зубы нечиещны.

²⁾ Она намекает на его нетрудоспособность.

³⁾ При изготовлении вина у абхазцев виноград давили ногами.

⁴⁾ Усы, естественно, должны появляться раньше, чем борода. Говоря же так, девушка упрекает абхазца в том, что у него борода выросла раньше усов, т. е. он, стало быть, физически ненормален.

Целый ряд плясовых песен, и песен, превращенных временем в плясовые, имеются в предыдущем сборнике, а здесь я помещаю кодорскую плясовую песню, исполняемую под аккомпанимент аченгура.

Абхазская пляска в виде развлечения перед скачками (сел. Лыхны).

19. Плясовая песня.

Эта песня записана в сел. Квитаули, Кодорского уезда, и, несмотря на то, что певшие ее крестьяне утверждали, что она абхазского происхождения, мне все же думается, что песня эта перенята у мингрельцев, но за давностью времен абхазцы успели об этом забыть.

е) ОБЩИННЫЕ ПЕСНИ.

Помимо песен, имеющих связь с тем или другим бытовым явлением, или обычаем, или обрядом, у абхазцев существуют еще так называемые общинные и поселковые песни¹⁾. Но у меня есть серьезные основания думать, что песни эти раньше поселковыми или общинными не были. Очевидно, они отражали какой-либо случай или явление, имевшее место в данной общине, или в данном поселке, впоследствии ушедшее из памяти крестьян. Относясь же ревностно к каждой песне, получившей свое начало в той или другой общине, абхазцы этой общины и переименовали впоследствии песню, присвоив ей имя своего селения или поселка.

20. Песня Чилоу.

Она считается общинной песней сел. Чилоу, Кодорского уезда, где и записана.

21. Песня Гуады.

Поселковая песня поселка Гуады, Джгердинской общины, Кодорского уезда, где и записана.

¹⁾ См. сб. „101 абхаз. народн. песня“.

III. ПЕСНИ, СВЯЗАННЫЕ С ОБЫЧАЯМИ И ОБРЯДАМИ.

Обычаев у абхазцев очень много; обрядов, выполнявшихся ими раньше, пожалуй, не меньше. Но в данном сборнике я укажу только на те обычаи и обряды, в связи с которыми я привожу и песни ¹⁾.

а) КРОВНАЯ МЕСТЬ.

Писать об этом жутком обычае мне трудно, во-первых, потому, что я считаю себя недостаточно посвященным во все тонкости сложнейших комбинаций выполнения этого обычая, и, во-вторых, потому, что мне, для убедительности, придется оперировать именами людей, дети которых сейчас ведут культурный образ жизни и приносят пользу советской общественности, принимая активное участие в примирении враждующих кровников. Я думаю, что эти товарищи извинят меня за мою, вынужденную обстоятельствами откровенность.

Жизненные документы говорят со всей определенностью за то, что и без того глубоко вевшийся в быт абхазцев жестокий адат, требующий выполнения кровной мести от мирно настроенных людей,—самым активным образом поддерживался дворянством и князьями, которые не только сами приписывали своему „героизму“ выполнение кровной мести, но и внушали это крестьянству, толкая их на убийства. Чтобы не быть голословным, я изложу здесь одну весьма печальную историю поварных убийств, начавшихся только из-за того, что жестоко оскорбленный крестьянин ударил князя кинжалом по голове.

Еуана Кокоскерия потерял отца, осиротев на девятом году своей жизни. С этого времени Еуана перешел к своему, ранее выделившемуся старшему брату—Магачу Кокоскерия и жил у него до шестнадцатилетнего возраста.

С самого детства Еуана отличался вспыльчивостью и своевольностью характера; лаской же Еуана можно было заставить сделать все, что угодно, можно было заставить покориться каким угодно обстоятельствам. Родственники знали эту характерную черту Еуана и всегда обращались с ним ласково и заботливо.

Но однажды произошло нечто необычайное, выбросившее Еуана из родной семьи.

Магач имел в горах стадо коз и как-то предложил Еуану отправиться туда и побыть временно в роли пастуха. Еуана, имея какие-то серьезные причины, отказался от этого ²⁾, но Магач, вспылив, пригрозил Еуану и силой отправил его в горы. Обозленный Еуана проделал в горах такую штуку: он завел коз в лес и, зарубив цалдой больше половины стада, взял самого крупного козла и с ним скрылся.

Узнав от соседних пастухов о случившемся, Магач отправился на поиски брата и розыскивал его в течение года. Нигде не найдя Еуана, Магач счел его погибшим и поиски прекратил.

Еуана же исчез вот куда: прямо с гор он отправился в поселок Хопы, Джирхвинской общины, обменял там козла на револьвер и отправился в район Ачандары и Ацы, где долгое время и оставался. Там он называл себя переселенцем из Кодорского уезда; нося чужое имя и пользуясь гостеприимством абхазцев, он жил ничего не делая.

В Ачандарах Еуана встретил красивую девушку по имени Ханифа Сакания и полюбил ее. В силу адата, мужчина может сделать предложение

¹⁾ Множество обрядовых песен приведено мною в предыдущем сборнике.

²⁾ В горы, к стаду абхазская молодежь ходит очень охотно, считая это местом отдыха и поправления здоровья. Климатические условия в горах вполне оправдывают это.

Примирение кровно враждующих сторон усилиями самих крестьян (сел. Звандрипш).

девушке или ее родителям только через других лиц, но Еуана не посчитался с этим и открыто заявил родителям, что хочет жениться на их дочери.

Еуана был очень красивым парнем: он был блондин с голубыми глазами, рослый, широкий в плечах, с узкой талией и к этому—обладал большой физической силой. Еуана был прекрасный стрелок и наездник, большой шутник и очень остроумный человек. Но для Сакания он был неизвестного рода, и ему отказали.

Желая во что бы то ни стало жениться на Ханифе и видя, что этому препятствует его мнимая безродность, Еуана вернулся в Отхары, к брату Магачу и попросил его похлопотать перед Саканиевыми. Магач и все отхарцы встретили Еуана с радостью и устроили пирушку. В конце этой пирушки Магач пригласил почетных крестьян помочь ему устроить судьбу брата. Те согласились, и на другой день все торжественно выехали в Ачандары. Там родители Сакания согласились, но только с тем условием, чтобы Еуана ждал три года. Еуана терпеливо ждал и затем женился на Ханифе. С этого времени Еуана ведет вполне правильный образ жизни трудового крестьянина, прекрасно ведет свое хозяйство, приобретает уважение общества, и все отхарцы забывают о прошлых похождениях Еуана.

Близкий сосед Еуана, князь Нахарбей Шервашидзе давно уже состоял в кровной вражде с крестьянином Гуагуа Хеция. Вражда эта началась вот из-за чего: Хеция должен был получить с лыхненского дворянина Дмитрия Маргания три рубля за работу на шоссе, но Маргания не платил. Однажды Маргания приехал к своему родственнику, Нахарбею Шервашидзе, в гости, а Хеция, как сосед, пришел помогать у стола. В конце угощения Хеция попросил Маргания отдать ему три рубля, но тот обругал его и прогнал. Оскорбленный Хеция засел с револьвером на той дороге, по которой должен был проезжать Маргания. Дмитрия Маргания, как гостя, провожал Нахарбей и на дороге заметил Хеция, сидящего в кустах. Хеция и без того уже не хотел стрелять в Маргания, так как увидел, что с ним идет Нахарбей Шервашидзе. Нахарбей все же подошел к Хеция и, отняв у него револьвер, избил плетью.

Вскоре после этого на какие-то поминки в Отхары приехали: князь Бата Анчабадзе и дворяне—Шяхан Лакербая, Мурзакан Лакербая и Зосхан Лакербая. Нахарбей, как отхарский житель, сидел за столом в качестве хозяина, а Хеция, как рядовой крестьянин, прислуживал у стола. Глядя на пирующих, Хеция вспомнил жестокую обиду, нанесенную ему Нахарбеем. Хеция выхватил кинжал и плашмя ударил им Нахарбея по голове.

Все присутствующие князья и дворяне сейчас же открыли стрельбу по нем, но Хеция скрылся невредимый.

Много раз Нахарбей Шервашидзе уговаривал Еуана Кокоскерия убить Хеция, но Еуана всегда отказывался, говоря, что ему совсем не хочется бросать налаженное крестьянское хозяйство. А бросать пришлось бы потому, что убить Хеция—это значило: уйти в горы и стать абреком.

В то время по случаю смерти какого-либо дворянина или князя устраивались обычно грандиозные поминки, на которые созывались со всей Абхазии лучшие стрелки и наездники. В селении Калдахвары умер князь Саатбей Инал-Ипа, и на поминки по нем, вместе с другими отхарцами, был приглашен и Еуана, как лучший стрелок. Конечно, на этих поминках был и Нахарбей Шервашидзе.

Калдахварские князья Инал-Ипа имели при себе особую террористическую организацию, т. е. группу людей, которые занимались убийством кровных врагов Инал-Ипа. Во время скачек на поминках Еуана случайно налетел с лошастью на члена этой террористической группы—некоего Симсим. И это послужило причиной к тому, что князья Инал-Ипа обозлились на отхарцев, решив, очевидно, что последние хотят подорвать авторитет калдахварского княжества.

Инал-Ипа уговорил и Симсима как-нибудь оскорбить Еуана Кокоскерия. Они делали это потому, что знали, как отхарцы отнесутся к оскорблению их представителя.

Еуана сидел за столом, когда Симсим налетел на него верхом на лошади и, ударив плетью, ускакал. Еуана схватился было за ружье, но стрелять ему не дали. Тогда Еуана встал и, собираясь уходить, сказал, обращаясь к Инал-Ипа: „Вы проиграете. Вашими руками нанесено оскорбление, и если я в течение трех дней не отомщу вам, то тогда только вы будете настоящими князьями“.

Нахарбею Шервашидзе как раз это только и нужно было; ему выгодно было разгорячить Еуана и вызвать его обязательно на какое-нибудь убийство. Нахарбей знал, что после этого Еуана, очертя голову, совершит и те убийства, которые нужны Нахарбею. Он поддержал Еуана и, встав из-за стола, вместе с ним ушел, а за ними ушли и все отхарцы.

Через три дня Симсим бесследно исчез, и трупа его не нашли. Подозрение в убийстве, безусловно, падало на Еуана Кокоскерия и, на основании этого, кто-то из фамилии Симсим убил родственника Еуана—крестьянина Хишба, проживавшего в Калдахварах.

Нахарбей во что бы то ни стало хотел отомстить Хеция. И Еуана не мог уже отказать ему в помощи в этом убийстве, потому что Нахарбей принял участие в Еуана, когда его оскорбили, и теперь они вдвоем уже решили во что бы то ни стало уничтожить Хеция.

Хеция хорошо знал это и довольно искусно скрывался. Не находя его, Еуана и Нахарбей стали убивать родственников Хеция и его укрывателей. Причины этих убийств были весьма легковесны. Так, например, ими был убит родственник Хеция—некто Тарба, якобы за то, что когда они вошли к нему во двор, он не сказал им положенного „добро пожаловать“. Вскоре после этого был убит некто Конджария, живший на границе селений Отхары и Джирхва.

Совершив несколько убийств, Еуана стал абреком, а Нахарбей, благодаря своему влиятельному положению оставался в условиях почти легальных.

Хеция тоже не дремал и убивал близких товарищей и родственников Еуана и Нахарбея. В Отхарах благодаря этому создалась крайне тяжелая атмосфера: жители не знали куда деваться от слишком частых убийств. Каждый крестьянин, имевший хоть какое-нибудь соприкосновение с фамилиями Кокоскерия, или Шервашидзе, или Хеция, или Конджария, или Тарба—ждал своей очереди быть убитым. Пользуясь тем, что население было терроризировано, Еуана стал открыто ходить по Отхарам.

Однажды Еуана захотел убрать посеянную для него соседями кукурузу и для этого пошел из дома, чтобы достать арбу. Каким-то образом его враги узнали, что он собирается пройти по известной дороге и устроили там засаду. Когда Еуана проходил мимо густого кустарника, оттуда раздалось подряд пять выстрелов. Еуана был убит наповал.

Узнав о смерти Еуана, Нахарбей отправился к старику Айба Кутыя (зятю Хеция), у которого, как он думал, ночевали убийцы Еуана, и выстрелом из револьвера убил старика тут же во дворе. Несмотря на такое, как бы „заступническое“ поведение Нахарбея в отношении Еуана, крестьяне все же говорили о последнем, что он погиб не за свое дело, высказываясь также отрицательно по поводу связи Еуана с явно преступным Нахарбеем, считая именно его (Нахарбея) виновником гибели Еуана.

Прошло шесть месяцев. Жена Еуана распродала все имущество и вырученные деньги вместе с оружием Еуана подарила своему зятю Гиду Айба. Вручая подарок, она слегка напомнила Гиду о том, что за погибшего Еуана следует отомстить. Она делала это с той целью, чтобы снять со своего ребенка „обязанность“ отомстить в будущем за своего отца и тем самым оградить ребенка от верной смерти в порядке обычая „кровь

за кровь". Этим воспользовался Нахарбей Шервашидзе. Он стал ходить к Гиду Айбе и всячески уговаривать его помочь ему убить Хеция. Гид сдался, и однажды ночью вместе с Нахарбеем отправился к дому Хеция.

Как и у многих других крестьян, во дворе Хеция стояла амацурта, между стеной и крышей которой было открытое пространство. У стены, на тахте, с наружной стороны стоял сундук. Хеция сидел в это время внутри амацурты у постели больного родственника. Крадучись, Гид влез на сундук и, подбадриваемый Нахарбеем, выстрелом убил наповал Хеция.

Жена Еуана, вместе со своим семимесячным ребенком, сейчас же после убийства Хеция бежала к своим братьям в Ачандары, и этот ребенок остался жив.

Да он жив, этот сын Еуана, и зовут его—Николай Кокоскерия. Он—коммунист, активный участник крестьянских вооруженных восстаний против меньшевиков в 1918—21 гг.; в настоящее время он слушатель Коммунистического университета трудящихся Востока имени Сталина.

И я уверен, что Николай Кокоскерия ответит все же на все эти убийства, но ответит уже не оружием, не предательской пулей из-за куста, а применением всех своих познаний на культурное возрождение своей маленькой нации.

Я не могу обойти молчанием и тот факт, что активнейшими подстрекателями совершения убийств на почве кровной мести зачастую бывали и абхазские женщины. Если эта женщина сестра того, кто должен отомстить, она обязательно напомнит брату об этом в то время, когда дает ему кушать, при чем скажет, примерно, так: „Какой ты мужчина, если не можешь отомстить за свою фамилию“. Если это мать, ничего нет удивительного услышать от нее такую фразу: „Лучше бы я собаку вскормила, чем тебя. Ты отомстил за своего брата?“.

Я не сказал бы об этом, если бы это было не так, если бы от меня не требовалась правда и только правда об абхазах. Я не сказал бы об этом, если бы не знал еще и того, что абхазская женщина, выходя замуж и переезжая к мужу в отдаленную местность, в случае чего-нибудь—сама мстит, совершая убийство, и возвращается к родным.

Состарившийся джирхвинский крестьянин Чиф Габния, рассказывая мне о случаях кровной мести, поднял после этого бокал с веселым абхазским вином и торжественно изрек: „Началом всякой вражды в мире являются земля и женщина. И пусть в дальнейшем почва земли будет тверже для народа, а женщина пусть не зовет нас к войне, а пусть будет достойной матерью своих детей, которых ты видишь“.—И Чиф махнул рукой в сторону комсомольцев.

22. Песня о Салумане Бгажба.

Приблизительно в 1894 году житель сел. Ткварчелы, Кодорского уезда, князь Астамыр Анчабадзе из-за простой ссоры убил своего односельчанина и молочного брата—Якупа Бгажба. Астамыр взвалил убитого Якупа на его же лошадь, завез его на берег Гализги и там бросил в кукурузное поле.

Брат Якупа—Салуман Бгажба учился в то время в городке Ново-Сенаки. Услышав об убийстве брата, Салуман бросил школу, купил себе берданку и пошел искать случая убить Астамыра Анчабадзе. Как-то Салуман встретил Астамыра в лесу с группой вооруженных товарищей. Салуман подошел к ним, поздоровался, снял берданку и моментально выстрелил Астамыру в голову. Падая, Астамыр все же успел вынуть револьвер и, передавая его одному из бывших с ним крестьян, потребовал, чтобы тот отомстил. Услышав это, Салуман крикнул: „Не стреляй, ибо ты—мой брат“.

Салуман скрылся. Крестьяне сложили о Салумане такую песню:

Который не скрывался за деревом
От пули, выходящей из одного ружья ¹⁾;
Перед, женщиной рожденным, мужчиной,
Не сходявший с дороги ²⁾;
Имевший никогда не устававшее колено
И бесстрашное сердце ³⁾;
У кого рано утром брата убили,—
До полудня серебряным ковшем
Кровь черпнул ⁴⁾ молодой Бгажба—герой Салуман...

На тот же мотив пелась еще и та песня, которую князья и дворяне когда-то сложили об Астамыре Анчабадзе:

Тридцать вновь приведенных невест,
Которые были его воспитательницами,
В прекрасном дворе стоявший дом для гостей
Ударами головы они разрушали...
Его серая лошадь, в несчастных случаях
На которую надеялся,
Опустивши голову между плакальщицами стоит,
А молочные братья слезами ее купают...
Все дворянство и княжество
Горячими слезами оплакивает...
Все начальство на законном основании грустит ¹⁾....
Кому предложили на выбор адунэй ²⁾ и ахрат ³⁾
Оттолкнув адунэй, он принял ахрат...
Несчастный Астамыр...

Племянник крестьянина Салумана Бгажба учится сейчас в сухумской абхазской школе имени Н. Лакоба, где он получает не только практические познания в области житейской грамотности, но под руководством педагогов выковывает в себе так же и твердые понятия о том, кто является его классовым врагом и как с ним надо бороться, не забираясь для этого в кусты.

Записана песня в сел. Мокви, Кодорского уезда.

23. Песня о братьях Кутелия Бадра и Темуре.

Записана эта песня в сел. Беслахуба, Кодорского уезда.

Был у них заговор в долине Агурдзгул,
А умерли они в пропасти Патрахуца...
Не отомстивши, оружие не сложившие,—
Это—герои.

¹⁾ Надо понимать: не считал за опасность, когда стреляют только из одного ружья.

²⁾ В дословном переводе следует понимать: ни в чем не уступавший такому же, как сам, мужчине, кто бы он ни был: князь или дворянин.

³⁾ В песне говорится: „ейцамкваз агу“, что дословно означает—непортящееся от испуга, от страха сердце.

⁴⁾ В песне говорится в переносном смысле, на самом же деле надо понимать—отомстил; черпнул кровь—полностью, хорошо отомстил.

¹⁾ „Закуанла“—дословный перевод—на законном основании.

²⁾ „Адунэй“—физический мир, жизнь на земле.

³⁾ „Ахрат“—смерть.

24. Песня о Кудже.

Записана в том же селении.

Тлапс отомстил за Капыта,
 Капыт отомстил за Тлапса;
 Манча отомстил за Учардыя,
 За него же никто не мстил...
 Серой лошади, на которой воевал,
 До потника — в человеческой крови
 Дал плавать Куджба Капыт...

25. Песня о сыне Катмаса.

Сын князя Катмаса Маршания — Халыбей Маршания кровно враждовал с князьями Шервашидзе. Совершив несколько убийств, халыбей скрывался. Однажды к нему пришли от Шервашидзе подкупленные люди и позвали его в селение якобы для полной ликвидации вражды. Когда же Халыбей пришел в селение, он был предательски арестован и затем благодаря стараниям Шервашидзе был расстрелян. Перед этим он пел на площади так, чтобы его слышали родные:

Привет мой передайте
 Дальским Маршаниевым...
 Оружие мое, которое должно
 Отомстить за мою голову,
 Передайте сыну Дарукуа — Шабату.

Впоследствии Шабат Маршания отомстил князьям Шервашидзе.

Я считаю излишним делать какие бы то ни было выводы из содержания этих песен, будучи уверенным, что читателю и так все достаточно понятно.

б) С В А Д Ь Б А.

Свадьба является у абхазцев весьма большим и, между прочим, приносящим разорение событием¹⁾. На свадебный пир собирается не только большинство жителей данного селения, но зачастую приглашаются жители других селений и даже уездов. Для свадебного пира режут быков или коров, варят огромные котлы мамалыги, выкатывают несколько бочек вина. И если хозяин не в состоянии выставить такое угощение своими силами, ему помогают ближайшие родственники и соседи. Пир происходит в доме жениха, где во дворе строится специальный навес, под которым устраивают из досок и бревен огромные столы. Свадебный пир может продолжаться два-три дня, а иногда и больше.

Для большей наглядности я постараюсь описать здесь всю свадебную „процедуру“ от начала до конца.

За невестой приезжает многочисленная конная группа друзей жениха. Вся эта группа спешивается во дворе и ожидает выхода невесты. Пока она собирается, родные ее устраивают угощение и разные игры, во время которых стараются незаметно отстегнуть подпруги у двух-трех седел для того, чтобы кто-либо из всадников по дороге свалился с лошади. По поверию это предвещает невесте хорошую жизнь²⁾. Невеста выходит к друзьям с закрытым белым шарфом лицом, в сопровождении двух подружек. Невесту сажают на лошадь; подруги ее, также верхом на лошадях, становятся по обе стороны.

¹⁾ Такого рода свадьбы и поминки (о которых будет сказано ниже) запрещены сейчас декретом правительства.

²⁾ Здесь речь идет о тех свадьбах, где невесту не похищают, где сама невеста и ее родители добровольно согласились на данный брак.

26. Проводы невесты (записана в Очемчирах).

Вся эта группа выезжает со двора, запевая настоящую песню, называемую у кодорских абхазцев „атаца-агара-шья“, т. е. — „песня, сопровождающая невесту“. Тут же во дворе раздаются первые выстрелы из револьверов буйно настроенных молодых джигитов. По дороге к дому жениха также поют эту песню и стреляют.

У кодорских абхазцев невеста с подружками едет сзади всей группы всадников. У бзыбских же абхазцев невеста едет впереди, причем они сопровождают ее песней „Радеда“¹⁾.

Во двор жениха в'езжают шумно, с песней и стрельбой; некоторые джигиты не в'езжают в ворота, а перескакивают с лошадьми прямо через забор. Один из джигитов забегает вперед, прямо на лошади в'езжает на террасу дома²⁾ и сейчас же спускается обратно. Лошадей оставляют в начале двора, передавая их на попечение мальчиков, и все направляются

Сопровождение невесты к дому жениха (сел. Гуп).

к дому. У крыльца дома их встречает мать жениха и осыпает невесту мелкими деньгами; у крыльца же, несколько в стороне, стоит почетный старик; наверху у двери становятся два джигита и скрещивают два кинжала, под которыми должна пройти в дом невеста.

На свадебном пиру в промежутках между едой поют множество песен и пляшут³⁾, устраивают игры, джигитовку и т. п.

Во все время свадебного пира невеста стоит на ногах, в углу отдельной комнаты, с закрытым лицом. Если же кто хочет на невесту посмотреть, он может войти в комнату, но прямо смотреть на невесту и разговаривать с ней не должен. Все же он может разговаривать с подружками невесты, а на нее смотреть... украдкой. Если же любопытный захочет поднять шарф и взглянуть невесте в лицо, он должен оставить ей за это денежный подарок.

А где же находится в это время жених. Как это ни странно, но жених все время пира скрывается с двумя-тремя товарищами в ближайшем лесу или у соседей, так как будущему мужу стыдно находиться на глазах у гостей.

¹⁾ См. сборник „101 абхаз. народная песня“.

²⁾ Каждый абхазский дом („акуаская“) имеет террасу.

³⁾ Смотри тот же сборник.

Если невеста во время свадебного пира стояла в „амхара“, она там и остается с мужем беспрерывно в течение двух недель, и только по истечении этого срока молодую невестку вводили в общий дом. У бзыбских абхазцев при этом пелась когда-то песня „ахуласенза“¹⁾.

27. Свадебная песня. (Записана в сел. Гупы, Кодорского уезда).

Раньше у кодорских абхазцев свадебный пир обязательно заканчивался общим исполнением этой песни. Но теперь это соблюдается очень редко.

У абхазцев мусульман существовала раньше еще одна свадебная подробность: стороны жениха и невесты, как будто бы и не совсем серьезно, но все же составляли письменный договор на турецком языке о купле и продаже невесты за определенную сумму, общая цифра которой обязательно должна была заканчиваться цифрой пять (1005, 2005 и т. д.). Документ этот подписывался (на турецком языке) представителями сторон, старшим по свадебному пиру, муллою и скреплялся печатью мусульманской церкви. При составлении этого договора стороны много шутили, выдумывали и включали в договор различные остроты и т. п.

Но... взглянем теперь и на последствия. Если муж по тем или другим причинам расходился с женой, он был обязан во что бы то ни стало уплатить жене сумму, указанную в договоре. А так как сумма в договоре указывалась наибольшая (в шутку суммы вздували до необычайных размеров), то муж продавал положительно все, что у него было для получения нужной суммы.

в) ПОМИНКИ.

28. Поминальная песня („Апсхуразар“).

Записана в сел. Поквешы, Кодорского уезда.

Через год—два после смерти абхазца по умершем устраиваются грандиозные поминки, которые достигают таких размеров, какие могут разорить самого зажиточного крестьянина. Все, кто был на погребении, приглашаются на поминки; все просто знакомые или те, о которых только слышали—тоже приглашаются на эти поминки. Для гостей строится огромный навес (ашьапа), под которым устанавливаются столы. Иногда для гостей раскладываются на бревнах большим квадратом доски. Зачастую поминки продолжались по несколько дней. К поминкам родственники умершего делают подарок в виде „дани душе покойного“, заключающийся в быке или корове. Когда дареного быка вводят во двор покойного, поют эту песню.

г) БОЛЕЗНИ И РАНЕНИЯ.

Болезни и ранения у абхазцев также сопровождаются песнями. В первых случаях это, конечно, плохо в смысле передачи инфекции; во втором же случае, пожалуй, не совсем плохо и ниже я скажу почему.

29. Песня оспы. (Записана в сел. Гупы, Кодорского уезда).

Оспа по-абхазски зовется „Ан“, т. е. князем. Отсюда надо понимать, каким большим почетом пользовалась эта болезнь у абхазцев. Больных оспой—женщину или мужчуну—одевают в белое; все приходящие в дом должны быть также в светлой одежде и в радостном настроении, так как

¹⁾ См. сборник „101 абхазская народная песня“.

дом, где находится больной или больная, считается в праздничном состоянии. Чтобы „князь“ не обиделся и благополучно оставил этот дом, присутствующие у постели больного поют:

Золотой, прекрасный Зосхан.
Тебя с благодарностью принимаем...
Белое платье, тобою одетое,
Для нас является желанным...

Это поется в том смысле, что белое платье, одеваемое по случаю болезни, одето якобы не в силу обстоятельств, а по собственному желанию, с целью угодить Зосхану. В бзыбской части Абхазии оспа считается почетной гостьей женского рода и для нее поют так:

Через Черное море—золотой мост...
Просим нашу дорогую гостью
В целом и невинном виде
Переправить через золотой мост
За Черное море...¹⁾

Между прочим считалось, что „рябые“, т. е. люди, болевшие уже оспой, не могут передавать заразу, а так как „рябых“ в каждом селении было много, болезнь оспы легко распространялась.

30. Песня виттовой пляски (Атларчопа или Аршишра).

Записана эта песня в Сухуме с напева учеников абхазской школы, под управлением т. Кондратия Дзидзария.

Значение этой песни подробно изложено мною в предыдущем сборнике. Кратко оно заключается в следующем: когда-то широко была распространена по Абхазии болезнь—„пляска святого Витта“. На абхазцев это производило большое впечатление, и они считали, что в данном случае имеют дело с какими-то сверхъестественными силами. Но только в этом случае считалось, что „бог“ этой болезни любит веселье и поэтому вокруг извивающейся в корчах девушки (в большинстве случаев именно девушки заболевали этой болезнью) танцевали все те, кто в это время находился в доме. Дом, где находилась больная, также считался в праздничном состоянии.

31. Песня ранения. (Записана в с. Джгерды, Кодорского уезда).

У абхазцев существует обычай утешать раненого песней, причем считается, что песня делает менее чувствительной боль. Поэтому когда случается ранение, абхазцы собираются вокруг раненого и поют ему эту песню.

32. Песня ранения. (Записана в том же селении).

Эта песня поется раненому во время операции (извлечение пули, перевязка и т. д.).

33. Песня ранения. (Записана в том же селении).

Эта песня поется раненому уже после операции или перевязки, для развлечения.

Сообщая мне эти сведения, молодые абхазцы, смущенно улыбаясь, говорили: „это—вместо того, чтобы звать доктора“...

¹⁾ См. сборник „101 абхазская народная песня“.

Не недо смущаться, товарищи абхазцы. Обычай этот появился у вас еще тогда, когда у вас были в ходу набеги, боевые схватки и т. п. Тогда никакой медицинской помощи у вас не было и не могло быть; вы узнали о врачах и медицине только в девяностых годах прошлого столетия. Что же могли делать вы с искалеченным человеком, как не утешать его песнями. И я уверен, что тогда песни действительно облегчали его страдания...

Другое дело сейчас, когда по Абхазии широко развернута сеть лечебных пунктов, когда трудовому крестьянству в любую минуту оказывается бесплатная медицинская помощь. Сейчас лечить человека одними песнями, конечно, никуда не годится, и я убедился в том, что вы этого не делаете, широко используя услуги Наркомздрава Абхазии. А если в промежутках между посещениями врача вы опять-таки песнями отвлекаете внимание больного от физической боли или от тяжести долгого пребывания в постели,—в этом тоже ничего плохого нет.

IV. ПЕСНИ БЗЫБСКИХ АБХАЗЦЕВ.

34. Адалыя. (Записана в с. Лыхны, Гудаутского уезда).

По всей бзыбской части Абхазии эту песню никто не знает. Ее помнят лишь некоторые старики из сел. Лыхны, причем приписывают ей исключительно лыхненское происхождение. Старики эти говорят, что песню эту пели на полевых работах и более двух раз в день ее петь не полагалось: до начала работ, в виде как бы вступления к „песне цапàния“, и к вечеру, по окончании удачной работы. Песня пелась группами, которые соревновались во время работы на кукурузном поле в наилучшем исполнении этой песни.

35. Песня о Кетване. (Записана на горе Арихва).

Старый пастух Хинтрук Барцыц сыграл на ачарпане три песни, которые я записал и привожу здесь подряд. Судя—же потому, что ни сам Хинтриук и ни кто другой не смог об'яснить мне этнографического значения этих песен, а так же и какую бы то ни было связь их с каким-либо случаем, я считаю эти песни современным творчеством самого Хинтрука и это тем более радостное явление, т. к. каждый такой шаг к новому народному творчеству приближает нас к цели создания новой абхазской музыкальной культуры.

36. Пастушеская песня. (Записана там же).

37. Пастушеская песня. (Записана там же).

38. То, что заставило женщину уйти. (Записана в с. Блабурхва, Гудаутского уезда).

„Гедлач неосмотрительно женился. Жена не обращала на него абсолютно никакого внимания и, когда он приходил с работы, она ленилась готовить ему пищу; за чистотой его одежды она также не следила. Просто разойтись с такой женой ему не позволяла чисто абхазская гордость, и при том это у абхазцев не принято. Но Гедлач нашел все-таки выход: он взял апхерца, стал играть на ней и петь о дурных поступках жены, относя их за счет какой-то другой женщины и сожалея о неизвестном муже этой женщины. Жена Гедлача поняла и на другое утро, когда Гедлач проснулся, жены в доме больше не было“.

Именно в таком виде передал мне историю этой песни блабурхвинский крестьянин Хишба Киц.

39. Песня няни. (Записана в том же селении).

Женщина вскормила грудью чужого ребенка, но он вскоре умер. Успокаивая себя, она играла эту песню на апхерца и пела о своем горе. Между прочим, у абхазцев не принято, чтобы женщина играла на апхерца.

40. Старинная плясовая песня. (Записана в том же селении).

Узнать что-либо о происхождении этой песни мне не удалось. Но сыгравший мне ее абхазец Киц Хишба говорит, что это—старинная плясовая песня, но где и как она началась—он и сам не знает.

41. Плясовая песня. (Записана в Сухуме).

Эту песню мне сыграл на апхерца Кондратий Дзидзария и мне кажется, что она принадлежит его собственному творчеству, т. к. этнографического значения этой песни он мне не сообщил.

42. Песня абхазских комсомольцев.

Это уже совершенно новое веяние. Песня эта, безусловно, является перепевом русской мелодии, но в достаточной степени насыщена все же свойствами исполнения абхазских песен. Блабурхвинские комсомольцы в неудержимом стремлении создать что-то свое, именно комсомольское новое, переделали на „свой лад“ песню, слышанную, очевидно, от красноармейцев. И в этом есть своя, хотя и не этнографическая, но за то еще более крупного значения прелесть. Записана песня в с. Блабурхва, Гудаутского уезда.

V. ПЕСНИ БАТУМСКИХ АБХАЗЦЕВ (МАХАДЖИРОВ).

43. Танец неносившего траур. (Записана в сел. Анкиса).

В этой песне поются такие слова: „Тот, кто не видел траура, того заставили танцевать“. Дальше идет припев: „Ой-ра, ой-ра, ой-та, рирашя“.

Судя по названию, надо считать, что это самая веселая абхазская пляска, и я имел возможность в этом убедиться, когда видел, как танцевали ее батумские абхазцы.

44. Песня о Курбете. (Записана там же).

Полностью абхазцы называют эту песню так: „Горестная песня Медины из-за Курбета“. Кратко ее называют—„Песня о Курбете“.

Слово „курбет“ означает—батрак или же в дословном переводе—наймит, работающий в чужой стране¹⁾.

Когда-то один из молодых абхазцев ушел на заработки в чужую страну и его сына поэтому называли Курбет. Имя это так за ним и осталось. Курбет этот был крайне неприлежен к своей работе и так же как отец любил наниматься на работу куда-нибудь в чужую страну. Так где-то в чужой стране Курбет и умер. У него была жена, которая, узнав о смерти мужа, пела эту песню, не желая прямо говорить, но давая понять в ней, что Курбет умер из-за собственной глупости. Но это ее мнение. Мы же думаем о Курбета несколько иначе: ясно, что Курбет искал в чужих странах новой жизни, а работать наймитом, т. е. быть пролетарием, очевидно, было делом удовлетворявшим сознание Курбета значительно больше, чем работа в собственном хозяйстве.

Поэтому и „песне о Курбете“ мы придаем несколько другое значение, нежели думала об этом жена Курбета.

¹⁾ У абхазцев не было принято уходить на заработки в другие страны. Это считалось как бы недостойным хорошего хозяина.

1. Песня о Шамиле.

Напели: Мустфа Минджия,
Эбирхам Минджия, Сидо Баромия,
Пач Логуа, Виссарнон Хикладзе.

Andantino.

2. Песня о молодом черкесе Махмеде.

Напели теже.

Andante con moto.

Allegretto.

Allegretto.

3. Песня о Мыстафе Чолокуа.

Играл на анхерца
Джаро Пачулия.

Andante con moto.

Canto

Анхерца

4. Усыпальная песня.

Играл на анхерца
Джаро Пачулия

Andante

Canto

Анхерца

5. Походная песня.

Напели: Харчилаа Будж, Аршба Тараш,
Минайя Бахва, Хорчилаа Букуна, Харчилаа
Аджю, Харчила Точия, Харчилаа Мисор.
(IIя группа)

Maestoso.

(Iя группа)

6. Походная песня.

Играла на аченгуре Паралуа Кистина;
пели: Квидиния Шяхан, Парулуа Рома
Тарба Чучул, Парулуа Сардион, Парулуа Миша
(женщина) (мужчина)

Maestoso.

(женщина)

Canto

Аченгур

Canto

(мужчина)

7. Арашвара ашва.

Напели: Харчилаа Будж, Аршба Тараш,
 Минайя Бахва, Харчилаа Кукуна Харчилаа
 Аджу, Харчилаа Точия, Харчилаа Мисор
 (IIЯ группа)

Maestoso.

(IЯ группа)

8. Радостная песня.

Напели: Квициния Шяхан
 Тарба Чучул, Парула Рома

Allegretto.

9. Килилеса

Напели, Арлан Чигиц, Дзлани
Дермыд, Агрба Мака, Сакания Кягуа
Цинария Сейдок.

Andantino.

0 - 0 - 0 - хо, ки - ли - ле - са,

0 - 0 - 0 - хо, ки - ли - ле - са, уа

10. Песня страдающего.

Напели, ученики
сухумской абхазской школы.

Allegretto.

Andante.

11. Песня о Напха Кягуа.

Напели: Тарба Чучул,
Квициния Шахан, Парулаа Рама.

Andante.

12. Песня о Пшкяче.

Напели: Ашуба Меджид, Ашуба Ахмат.

Andantino.

13. Песня о Беслане Абатаа.

Напел Мыч Ашуба.

Andante.

14. Песня о Кучуке сыне Аджгирея.

Напели: Минджия Мустафа,
Минджия Эбирхам, Барамия Сидо,
Логуа Пач, Хикладзе Виссарион.

Andantino.

15. Песня героев.

Играл на анхерца Харчилаа Екуп.

Andante con moto.

16. Песня охотников (аэргъ.)

Напели: Квинция Шяхан,
Тарба Чучул, Парула Рома.

Andante.

17. Песня охотников (аэргъ.)

Andantino

Напел: Мыч Ашуба.

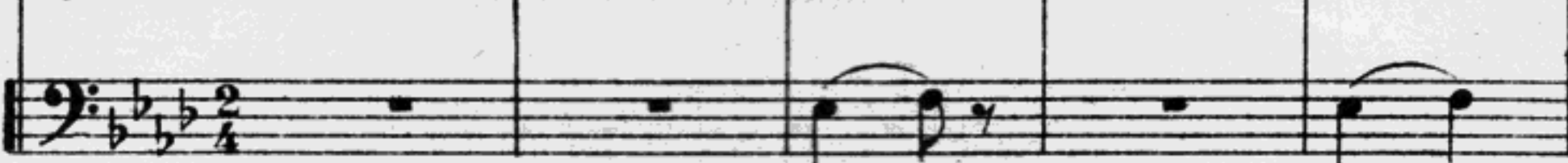
18., „Любовь.”

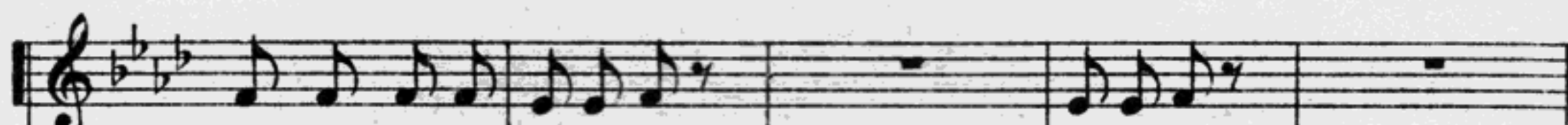
Играл на ачегуре Адамия Корсантаэл.
 Пели: Арлан Чигыц, Дэлэня Дермыд, Агрба Мака,
 Сакания Кягуа, Цинария Сейдок.

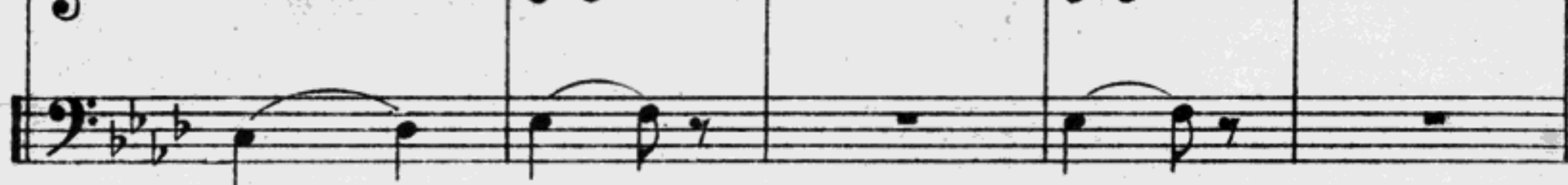
Andante.

Canto.

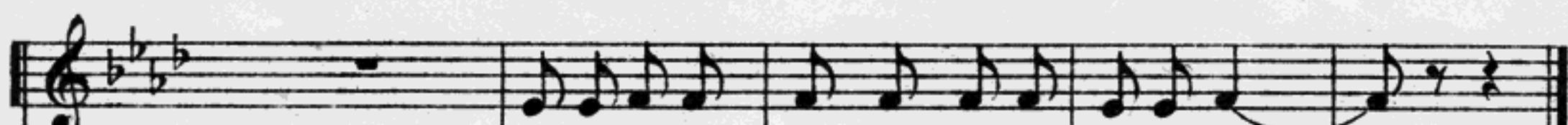
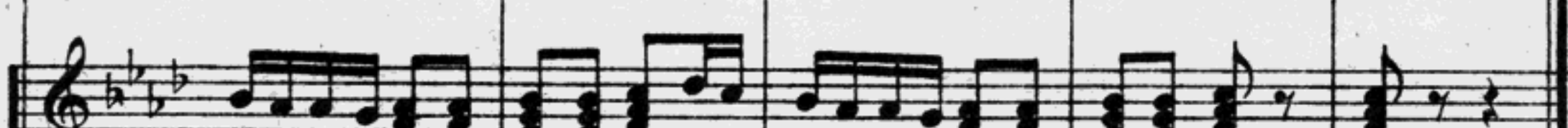
ачегур.

Canto.

19. Плясовая песня.

Играла на аченгуре Агрба Гуагуа; пели:
Адамья Корсантаэл, Арлан Чигыц, Дзлаия
Дермыд, Агрба Мака, Сакания Кягуа, Цинария Сейдок.

Allegretto. (женщина) (мужчина)

Canto.

Аченгур.

удары по
доске аченгура

Canto.

20. Песня Чилоу.

Напели: Ахуба Кемсыс, Кацубая Лео.

Andantino.

21. Песня Гуады.

Напели: Ашуба Мыч и Хаджарат.

Allegretto.

Andantino.

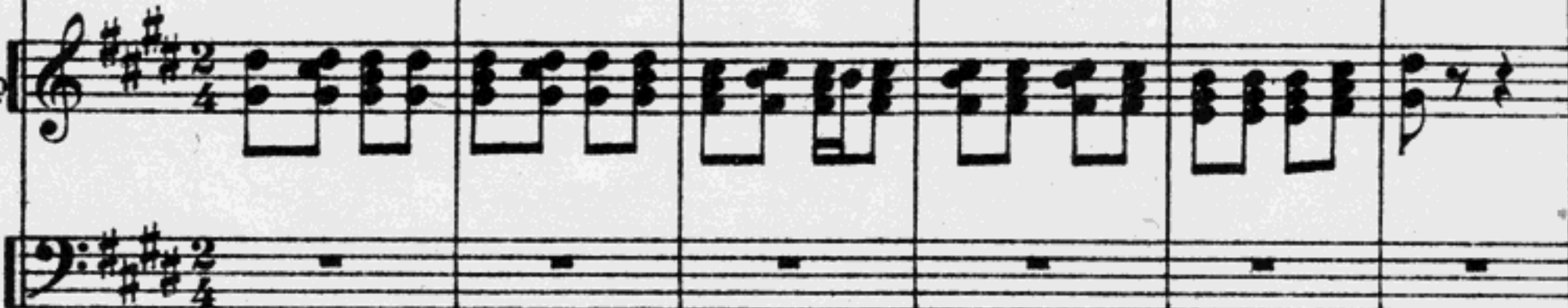
22. Песня о Салумане Бгажба.

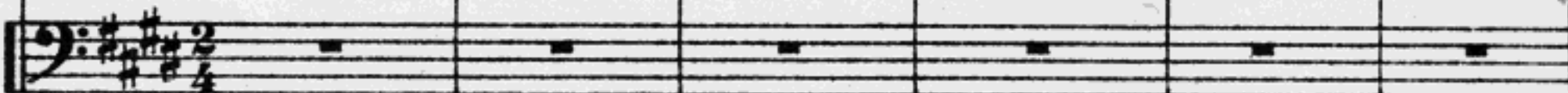
Играла на аченгуре Парула
Кистина; пели: Квинция Шяхан,
Парула Рома, Тарба Чучул,
Парула Сардион, Парула Миша.

Andantino.

(женщина)

Canto.

аченгур

Canto.

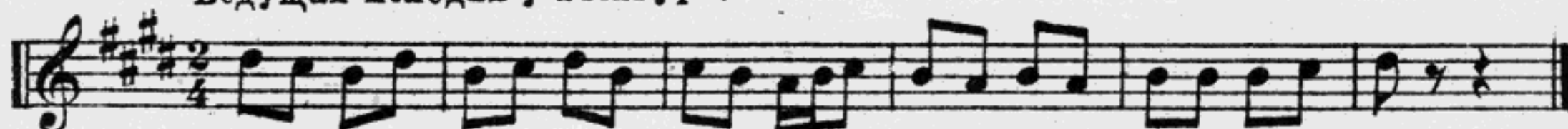
(мужчина)

(женщина)

Ведущая мелодия у аченгура:

23. Песня о братьях Кутелня - Бадре и Темуре.

Напели: Минджия Мустафа,
Минджия Эбирхам, Барамия Сидо,
Логуа Пач, Кикладзе Виссарион.

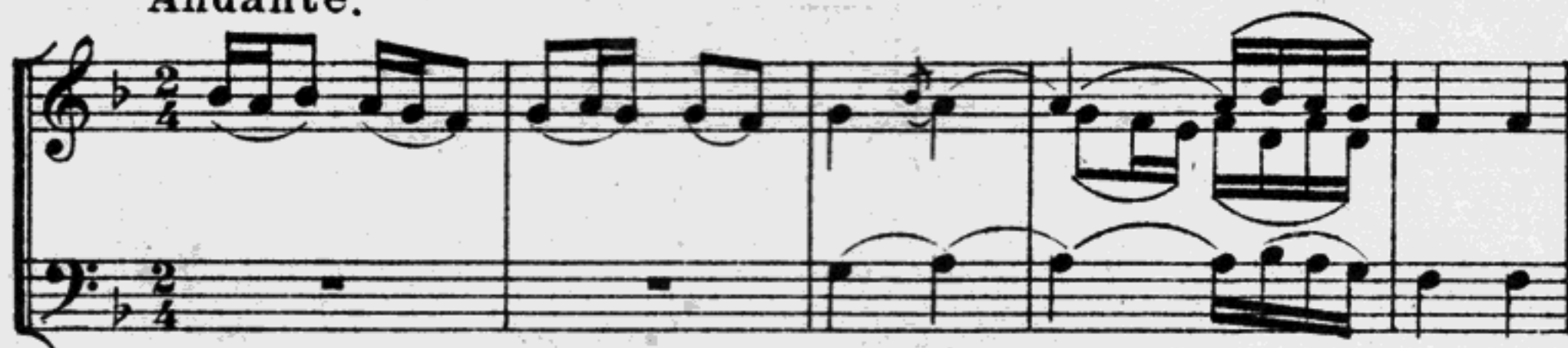
Andantino.

24. Песня о Кудже.

Andante.

Напели те же.

25. Песня о сыне Катмаса.

(Катмас-ица)

Напели те же.

Allegretto.

26. Проводы невесты.

Напели: Панцудая Платон,
Кикория Порфирии, Маргания Астамур.

Andante-maestoso.

27. Свадебная песня.

Напели: Лагвилава Кукуя, Дочия Еуана,
Каджая Кычин, Пилия Титу.

Maestoso.

28. Поминальная песня.

Напели: Пачулия Джаро, Тания Бардгу,
Хашба Наурус, Пачулия Дадын,
Тания Есхак, Пачулия Баджга.

Andantino.

29. Песня оспы.

Напели: Дарсалия Квагина, Лалгвилава
Астана, Лагвилава Кукуя.

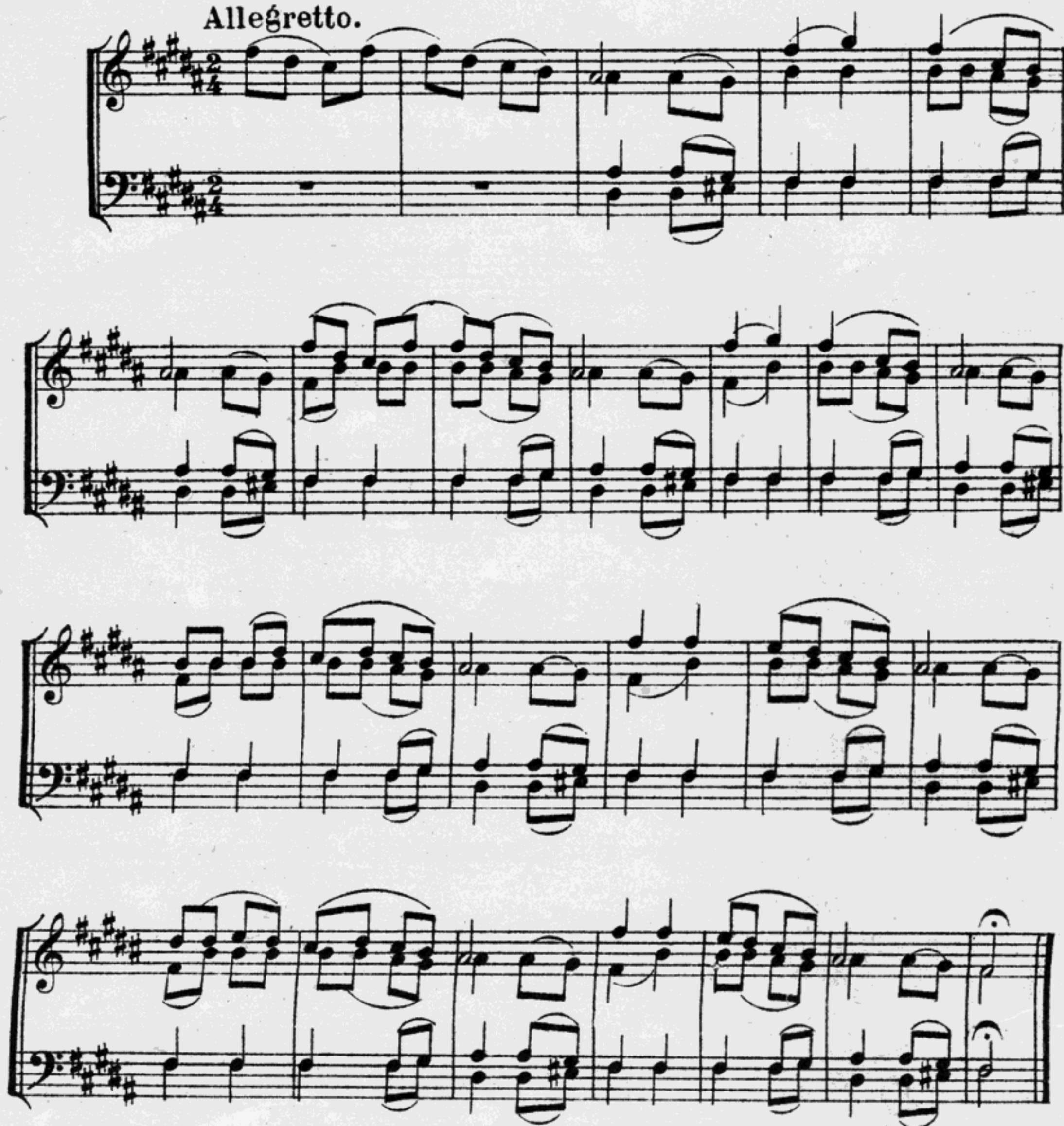
Andante.

30. Песня виттовой пляски.

Напели ученики Сухумской
абхазской школы.

Allegretto.

31. Песня ранения.

Andante con moto.

Напел Мыч Ашуба.

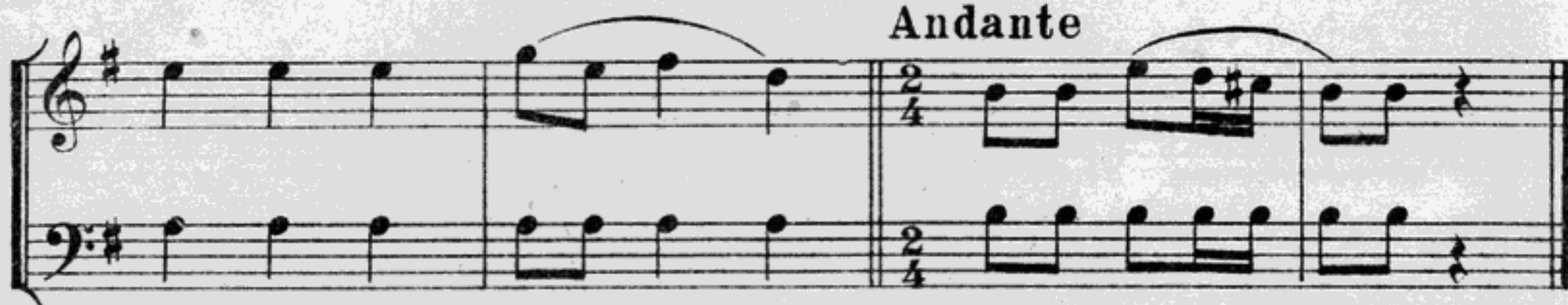
32. Песня ранения.

Напели Нестор и Мыч Ашуба.

Andantino.

Andante

33. Песня ранения.

Напел Нестор Ашуба.

Andantino.

Andante

34. Адалыя.

Напели: Лакоба Гид, Возба Тапаг, Гегенава
Мачагуа, Камлия Шериф,
Кварчия Сайдок.

Adagio grandioso.

35. Песня о Кетване.

Играл на ачаргане Барцыц Хиятрук.

Andantino.

Ачарпан.

Canto.

36. Пастушеская песня.

Играл на ачаргане тот-же.

Moderato.

Ачарпан.

Canto.

37. Пастушеская песня.

Играл на ачарпане тот-же.

Allegretto

Ачарпан

Canto

38. То что заставило женщину уйти.

Играл на анхерца
Хишба Киц.

Andantino.

Анхерца

Canto

39. Песня няни.

Играл на анхерца тот-же.

Moderato.

Анхерца

Canto

40. Старинная плясовая.

Играл на апхерца тот-же.

Allegretto.

Апхер.

Canto

41 Плясовая песня

Играл на апхерца
Дзидзария Кондратий.*Moderato poco a poco accel.*

Апхер.

Canto

rit.

42. Песня абхазских комсомольцев.

Напели: Барцыц Саид, Григорий,
Харитон, Золотинск; Хутаба Матбен.

Maestoso.

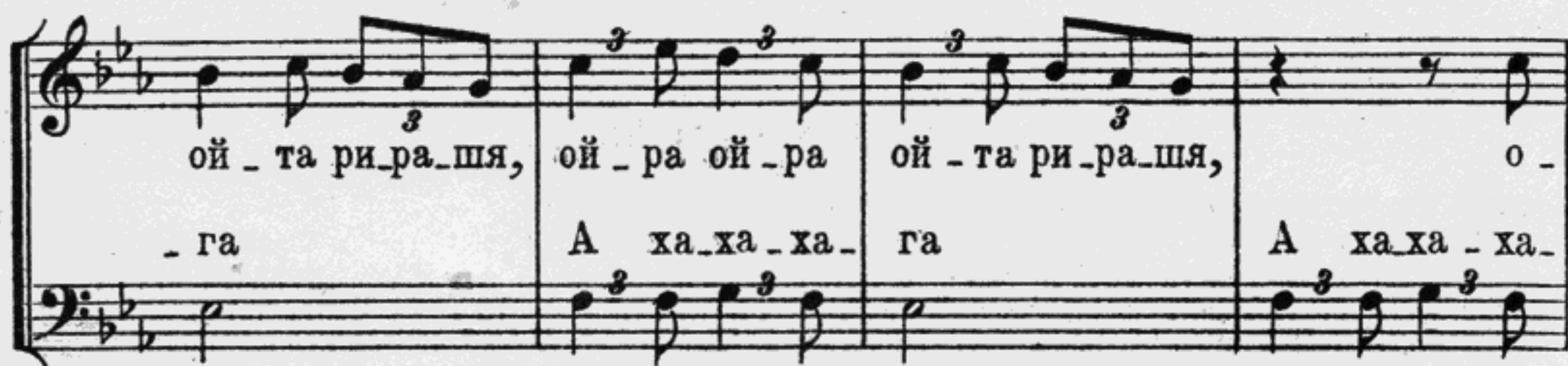

43. Танец не носившего траур.

Напели Махадир из Абхазии: Абабико
Расим (абхазский негр) Чазмава Хасан, Хиба
Руфет, Кутелия Хусеин, Ацанба Мурат,
Агрба Хемид, Селимба Меджид.

Andantino.

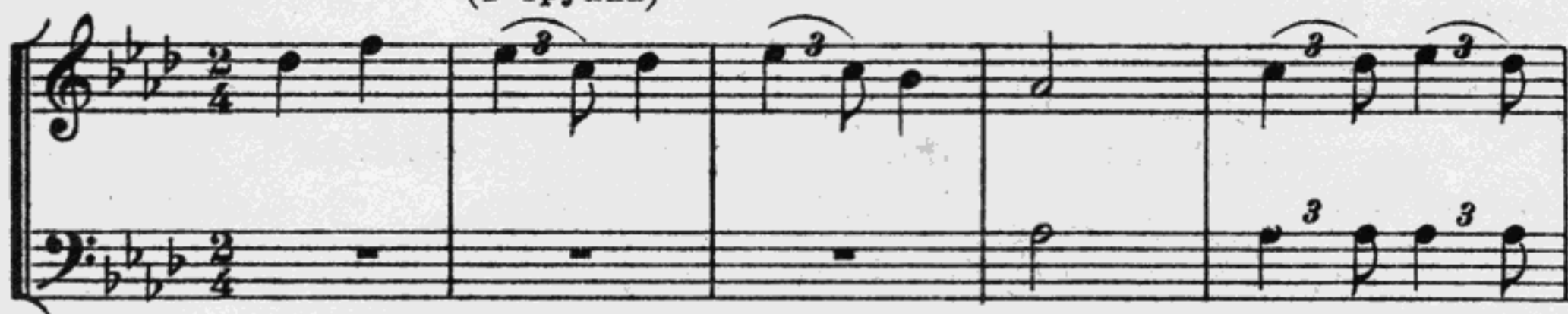

44. Песня о Курбете.

Andante con moto.

(I группа)

Напели теже

(II группа)

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
Предисловие автора	3
I. ПЕСНИ ИСТОРИЧЕСКИЕ:	
Борьба за независимость Кавказа:	
Песня о Шамиле	7
Песня о молодом черкесе Махмеди	8
Русско-турецкая война (1877—78 гг.):	
Песня о Мыстафе Чалокуа	9
Феодализм:	
Усыпальная песня	10
Революционные события:	
Походная песня (№ 5)	10
Походная песня (№ 6)	11
II. ПЕСНИ БЫТОВЫЕ	
Труд:	
Арашвара ашва	15
Песня радости	15
„Килилеса“	15
Песня страдающего	15
Героизм и абректство:	
Песня о Найхе Кягуа	22
Песня о Пшькяче	23
Песня о Беслане Абатаа	23
Песня о Кучуке сыне Аджгирея	23
Песня героев	24
Абхазцы в горах:	
Песня охотников (№ 16)	33
Песня охотников (№ 17)	33
Одна песня отвлеченного значения:	
„Любовь“	33
Абхазские пляски:	
Плясовая песня	35
Общинные песни:	
Песня Чилоу	35
Песня Гуады	35
III. ПЕСНИ, СВЯЗАННЫЕ С ОБЫЧАЯМИ И ОБРЯДАМИ	
Кровная месть:	
Песня о Салумане Бгажба	40
Песня о братьях Кутелия Бадре и Темуре	41
Песня о Кудже	42
Песня о сыне Катмаса	42
Свадьба:	
Проводы невесты	43
Свадебная песня	44
Поминки:	
Поминальная песня	44
Болезни и ранения:	
Песня оспы	44
Песня виттовой пляски	45
Песни ранения (№№ 31, 32 и 33)	45
IV. ПЕСНИ БЗЫБСКИХ АБХАЗЦЕВ	
Адалыа	46
Песня о Кетване	46
Пастушеские песни (№№ 36 и 37)	46
То, что заставило женщину уйти	46
Песня няни	47
Старинная плясовая	47
Плясовая	47
Песня абхазских комсомольцев	47
V. ПЕСНИ БАТУМСКИХ АБХАЗЦЕВ	
Танец неносившего траур	47
Песня о Курбете	47

Цена 2 р.

СКЛАДЫ ИЗДАНИЯ:

Музсектор Госиздата, Москва, Неглинная, 14.

Книжный склад Наркомпроса Абхазии, Сухум, ул. III Интернацио